

СМЕНА

№ 2 ЯНВАРЬ 1979

ПЯТИЛЕТКЕ—
ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ

В январе 1979 года народы нашей страны торжественно отмечают славную историческую дату — 325-летие воссоединения Украины с Россией.

Более трех веков минуло уже с той поры, когда, выражая стремления и надежды простого люда, Переяславская Рада, руководимая выдающимся государственным деятелем и полководцем Богданом Хмельницким, скрепила дружбу между двумя великими народами — богатырями — русским и украинским. «По всей Украине увесь народ с охотою тое учинил», и «немалая радость

межи народом стала», — с волнением читаем мы сегодня свидетельство летописца о том историческом договоре, избавившем украинский народ от иноземного порабощения.

Заря возрождения и новой жизни взошла над прекрасной землей Украины. И хотя много еще выпало на ее долю испытаний и бед, она их вынесла и преодолела, потому что все эти годы шла плечом к плечу, рука об руку с Россией.

Величественна летопись достижений и побед народов, населяющих нашу великую Родину. Невозможно перечислить даже самое значительное,

что пришло на нашу землю с победой Великого Октября, но в ряду этих побед есть одна, важность которой невозможно переоценить: революция позволила различным народам, в том числе и украинскому, осуществить свою великую мечту: объединиться вместе с русским народом в могущественный и великий союз Союз Советских Социалистических Республик. «Возникновение в нашей стране новой исторической общности — советского народа — это... наше великое достижение», — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума

Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. — Мы вправе рассматривать его как своего рода обобщенный итог тех экономических и социально-политических перемен, которые... свершились в нашей стране».

Нет сплыва тверже, чем единство советских людей. Сегодня русский и украинский народы вместе со всеми братскими народами, составляющими наше могучее интернациональное Советское государство, уверенно претворяют в жизнь грандиозные планы коммунистического строительства.

Анатолий КОРНИЕНКО,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины.

БРАТСТВО

«...При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи...»

В. И. Ленин

ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ 300-ЛЕТИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ В ГОРОДЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЕ-ХМЕЛЬНИЦКОМ.

Мы встретились в ЦК ВЛКСМ. Только что Анатолий Корниенко приехал в Москву из Киева, чтобы на другой день с группой комсомольских работников улететь на ударные комсомольские стройки Тюменской области, где работают молодые посланцы всех союзных республик страны, в том числе и Украины. Украинская молодежь на стройках России. В дни, когда страна готовилась к знаменательному юбилею в отечественной истории — 325-летию воссоединения Украины с Россией, — этот, сам по себе, может быть, и не столь значительный, повседневный факт в ряду многих тысяч других фактов как бы обретал символическое значение, показывая бесконечность животворных прочных связей, объединяющих жизнь двух братских народов, их историческую близость и многовековую дружбу.

Об этом и был наш разговор. — В эти юбилейные дни, Анатолий, хочется снова вспомнить наиболее яркие события в истории комсомола страны, потому что в них как в зеркале отражается и тесное единение трудящихся Украины и России и узы братства между молодыми поколениями двух народов. Эти события, как вели, отмечают их совместный путь.

— На организационном съезде в июне 1919 года в резолюции «О взаимоотношениях с РКСМ» прямо ска-

МОЛОДОСТЬ УКРАИНЫ ЖИВЕТ ПО ЗАКОНАМ ДРУЖБЫ, ТРУДА, ТВОРЧЕСТВА.

НАША ОБЛОЖКА:
МОЛОДЫЕ ИНЖЕНЕРЫ
СРЕДНЕВОЛЖСКОГО
СТАНКОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЗАВОДА
ЛИДИЯ ВЕЙС
И ПАВЕЛ РУБЦОВ.

Фото
Виктора
КОРНЮШИНА.

1 325-ЛЕТИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ.
Первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины
Анатолий КОРНИЕНКО. «БРАТСТВО».

4 Генрих ГУРКОВ. «КРЕЩАТИК НА БАМЕ».
«ОТЗВУК ИСТОРИИ В КИПУЧЕСТИ БУДЕН».
Стихи украинских поэтов.

6-11 ТОВАРИЩ ПОДРОСТОК.
Сергей ФОМИН. «ПОТРЯСЕНИЕ».
Рассказ Бориса ВАСИЛЕВСКОГО «ПУТЕШЕ-
СТВИЕ».
«АНДРЕЙ, ЛЕНА, БОРИС И ДРУГИЕ...».
Фоторепортаж Валерия ПЛЕШАКОВА и Сергея
ВЕТРОВА.

13 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

14 Стихи Олега ШЕСТИНСКОГО.

15 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ».
Владимир ФРАНЮК. «ГИДРОШАХТА».

18 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Валентина ИВАНОВА. «ПРОДОЛЖЕНИЕ «НАЧАЛА».

20 ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

22 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Петер АДАМС. «ЗАГАДКА ЗАМКА КАРЕНТИН».

24 СИЛУЭТЫ. Виктор СТАРИКОВ. «МАМИН-СИБИРЯК».

27 Стихи Адама ШОГЕНЦУКОВА.

28 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Юрии ВЕДЕРНИКОВ и Альберт ЛЕХМУС.
«АТАКА НА ОГОНЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

зано: Коммунистический Союз украинской рабочей молодежи является частью РКСМ.

— И за словами резолюции сразу видишь этапы большого совместного пути, каждый из которых отмечен боями-символами, делами-символами, понятными каждому с одного слова, ибо эти слова вобрали целую эпоху. Казовка и Волочаевская сопка—это гражданская война. Днепрогэс и Магнитка—первенцы нашей социалистической индустрии. «Молодая гвардия» и Сталинград—Великая Отечественная война... Все это события из жизни Украины и России, страницы из истории Страны Советов.

— И тем дороже нам эти страницы, что они полны кровью и потом наших отцов и дедов, которые в пору своей юности шли на борьбу за счастье всех братских народов нашей великой державы.

Готовясь к нынешнему юбилею, я еще раз перечитал подшивки старых газет, журналов, документы, которым уже по многу десятков лет. Как убедителен и красноречив язык фактов, о которых они сообщают!

Во время белопольской интервенции на помощь своим украинским братьям спешила молодежь со всех концов России. В мае 1920 года газета «Известия» ВУЦИК писала: «Страстным желанием поехать на фронт горит молодежь. Помещение Московского Комитета Всероссийского Коммунистического Союза Молодежи превратилось в своеобразный боевой лагерь, заполненный исключительно рабочей молодежью. Все они рвутся в бой... Московский Комитет решил послать на фронт в первую очередь не более как 70 ответственных товарищей. Но лишь один Сокольницкий райком РКСМ вместо предложенных 7 лиц представил список на 270 человек».

Со своей стороны, и украинский народ, молодежь республики помогли русскому рабочему классу в его героической борьбе за дело Великого Октября. Юноши и девушки Украины сражались на фронтах гражданской войны, отражая врагов на подступах к жизненно важным центрам Советской России. Трудящиеся Украины оказывали продовольственную и другую помощь русским городам, русским рабочим.

По инициативе ЦК КСМУ 24 июля 1921 года был проведен Всеукраинский железнодорожный субботник. В 1921 году молодежь Александрогрушевского района в Донбассе только за один субботник добыла и отправила 52 тысячи пудов угля для детских учреждений Москвы.

А когда страна приступила к созданию социалистической индустрии, многовековая дружба русского, украинского и других советских народов явилась одной из движущих сил созидания нового.

В короткий срок в нашей стране была построена современная промышленность, важнейшие ее отрасли были созданы на Украине. И бесценной жемчужиной в этом созвездии гигантов стала Днепровская ГЭС. Ударной силой на ее строительстве стали первые 32 комсомольско-молодежные бригады, в которых бок о бок трудились русские и украинцы, парни и девушки других национальностей.

Вся страна помогала днепростроителям. Из РСФСР шел цемент и строительные материалы, из Белоруссии—лес, из Армении—розовый камень. Азербайджан обеспечивал нефтью, Донбасс—углем, Приднепровье—металлом. Московский завод

«Динамо» посылал электрооборудование, ленинградская «Электросила»—генераторы. Ленинградские комсомольцы создали контрольные посты, которые следили за выполнением заказов для Днепростроя, провели слет молодых ударников.

А когда пришел радостный час и в праздничный майский вечер 1932 года первый генератор дал промышленный ток, осветив электрическими огнями величественную панораму невиданной по масштабам новостройки,—это стало совместной победой. Высоко оценивая самоотверженный труд комсомольцев, Президиум ЦИК СССР 17 сентября 1932 года наградил девяти-тысячную комсомольскую организацию Днепростроя орденом Ленина.

— А самой серьезной проверкой силы и жизнестойкости социалистического строя и нашего многонационального государства, прочности союза, братских связей русского, украинского и всех народов нашей страны стала Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских захватчиков.

— Да, военные годы дали немало ярких примеров, где проявлялась дружба народов СССР. Много подвигов совершено советскими воинами на земле Украины. Только в битве за Днепр около 2500 солдат и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза, в их числе свыше тысячи комсомольцев. В сентябре 1943 года первыми форсировали Днепр мужественные сыновья великого русского народа—комсомольцы Николай Петухов, Иван Семенов, Василий Сысолятин, Василий Иванов. Выбравшись на опушку леса на правом берегу, четыре советских автоматчика открыли стрельбу по фашистам. Весь вражеский огонь они вызвали на себя и этим обеспечили переправу других бойцов. В решающей атаке Николай Петухов погиб, но память о нем вечно будет жить в наших сердцах.

В ночь с 5 на 6 ноября в Киеве, матери городов русских, над зданием ЦК КП(б)У было поднято красное знамя победы. Его подняли молодые представители двух братских народов—Николай Дехтеренко, Александр Пиксаков, Евгений Пресников, Николай Кирюхин, Степан Поздников.

Подвиг мужественных представителей всех братских народов навсегда останется в памяти украинцев. В письме русскому народу, принятом на митинге трудящихся освобожденного Киева в ноябре 1943 года, было сказано: «Всенародно утверждаем: свобода и счастье Украины—в непоколебимом союзе с русским народом и всеми советскими народами-братьями. Всенародно клянемся укреплять этот священный и благотворный союз и клятву свою завещаем нашим детям, нашим потомкам во веки веков».

И сразу после освобождения Киева, в том же 1943 году, 740 строителей из далекой Сибири добровольно приехали отстраивать столицу братской Украины.

Многие из них навсегда связали свою судьбу с Киевом, городом, в котором стоят дома, построенные их руками.

В период восстановления разрушенного войной хозяйства животворная дружба народов чувствовалась на каждом шагу.

С восторгом встретила ленинградская молодежь заказ правительства: изготовить турбины для Днепрогэса. Комсомольцы-кировцы, отправляя первый агрегат в Запорожье, заявили: «Мы с радостью отдаем свои силы почетному делу возрождения Днепрогэса. Поможем братьям-украинцам

быстрее поднять из развалин это большое сооружение, чтобы вновь, как до войны, засияли электрическими огнями заводы и фабрики, города и села близкой и родной нам Советской Украины».

Когда во Львове было решено построить мощный электроламповый завод, львовяне написали об этом москвичам. И ответ пришел незамедлительно: во Львов из Москвы прибыло досрочно и высококачественно изготовленное оборудование, приехали опытные мастера, монтажники. А когда завод был сдан в эксплуатацию и возникли трудности с кадрами, в Москве были созданы специальные курсы для львовских рабочих.

И такие примеры, ставшие сегодня уже нашей историей, можно было бы продолжать бесконечно, как можно бесконечно вести рассказ о продолжении нынешней молодежью дел предшествующих поколений и бережном сохранении исторически сложившихся традиционных уз между русским и украинским народами.

Давняя дружба связывает соседние районы наших республик — Матвеево-Курганский Ростовской области и Амвросиевский Донецкой области, — труженники которых осуществляют комплексную программу трудового и культурного сотрудничества.

Согласно договорам о социалистическом соревновании, комсомольско-молодежные коллективы хозяйств оказывают друг другу помощь во время посевной кампании, в горячую пору жатвы. Недавно молодежь двух районов-побратимов организовала агитпробег к Матвееву Кургану. Здесь, на древней земле России, в борьбе с фашистскими оккупантами отдал свою жизнь украинский парень из Амвросиевки лейтенант Владимир Есауленко, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Участники агитпробега рассказали труженникам села о вековой дружбе двух великих народов, осященной кровью их лучших сынов и дочерей, о сегодняшних достижениях молодежи двух районов. Были прочитаны лекции о вековой дружбе, а участники художественной самодеятельности посвятили знаменательной дате тематические концерты.

Комитеты комсомола республики повсеместно провели молодежные общественно-политические и героико-патриотические чтения по книге товарища Л. И. Брежнева «Целина», в которой ярко и убедительно отражена трудовой героизм молодежи России и Украины в освоении целинных и залежных земель Казахстана.

— *Сегодняшний день, нынешние дела молодежи завтра станут той же историей. Пройдет время, и по ним новое молодое поколение будет узнавать, как жила и чем жила молодежь семидесятых. Ей наверняка будет интересно узнать, как в наши дни молодежь крепила дружбу двух братских народов.*

Трудовое, творческое, культурное, научное сотрудничество комсомольцев и молодежи Украины и России столь глубоко, многогранно, разнообразно, что трудно выбрать что-то самое-самое главное. Ибо в этом деле все главное. Тут нет мелочей. Близость языков, национальных характеров и обычаев, исторических традиций двух народов, извечное взаимопонимание культуры, русской и украинской, столь естественно и органично, что невозможно выявить границы, которые отделяют одну от другой. Это две могучие ветви одного дерева.

На любом заводе, руднике, на любой фабрике или шахте нашей республики

русский рабочий трудится рядом с украинцем, а руководят производством русские и украинские инженеры, техники. И это вполне естественно, как вполне естественна общность людей, которая зовется СОВЕТСКИЙ НАРОД. Трудовое и творческое сотрудничество представителей двух наций всегда оказывалось плодотворным. Вспомним стахановское движение. Зачинателем его был донецкий шахтер Алексей Стаханов, уроженец Орловской области. А наиболее ярким продолжателем его почина стал в Донбассе Никита Изотов, тоже из орловских крестьян.

В конце ноября вся страна отметила шестидесятилетие президента Академии наук Украины Бориса Евгеньевича Патона. Во всем мире знают и этого ученого и возглавляемый им институт электросварки, который носит имя его отца. Но я хотел бы сейчас напомнить об одном маленьком, но, на мой взгляд, весьма показательном факте из биографии юбиляра. В средней школе его преподавателем был Анатолий Петрович Александров, ныне трижды Герой Социалистического Труда, президент Академии наук СССР. Русский ученый, родившийся на Украине.

Таковыми фактами — а их в нашей совместной истории немало — могут гордиться и Россия и Украина. А задача молодого поколения — приумножать их.

Вот и сейчас, в юбилейные дни, комитеты комсомола республики всю организаторскую и массово-политическую работу по подготовке и празднованию 325-летия воссоединения Украины с Россией направляют на дальнейшее укрепление дружбы, единства народов нашей страны, всестороннее улучшение патриотического и интернационального воспитания юношей и девушек.

В большинстве областных, городских и районных комсомольских организаций проходят недели и дни Российской Федерации, дружбы русского и украинского народов, идет обмен делегациями комсомольцев и молодежи областей и районов, между которыми давно установились дружеские связи, организуются тематические вечера и встречи с ведущими учеными, писателями. В областях республики проводятся кинофестивали, писательские конференции, декады литературы братских республик. Но все эти мероприятия, посвященные юбилею, трюлько празднично завершают наши гигантские по масштабам повседневные дела, которые мы, естественно, будем продолжать и в будущем.

Комсомольско-молодежные коллективы, молодые труженники 22 областей, 218 городов и районов, 874 промышленных предприятий, 407 колхозов и совхозов нашей республики заключили договоры о социалистическом соревновании с молодыми производственниками многих областей и автономных республик Российской Федерации. Уже долгие годы трудовое сотрудничество связывает юношей и девушек Ворошиловградского тепловозостроительного производственного объединения имени Октябрьской революции и Коломенского завода имени Куйбышева, комсомольско-молодежные коллективы шахт Донецкой и Кемеровской областей, колхозов и совхозов Киевской и Московской областей, молодых металлургов «Днепропетростали» и подмосковной «Электростали», станкостроителей Киевского завода станков-автоматов имени Горького и московского завода «Красный пролетарий», машиностроителей Днепродзержинска и Нижнего Тагила, текстильщиков Ровно и Костромы.

Ударным делом комсомола Украины стало шефство над сооружением

важнейших народнохозяйственных объектов, расположенных на территории Российской Федерации. География этого шефства: от Байкало-Амурской магистрали и порта «Восточный» в бухте Врангеля до завода «Атоммаш» на берегу Цимлянского моря. Тут и обустройство Сургутского нефтяного месторождения и формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, реконструкция Таганрогского комбайнового завода и многие другие стройки.

С начала десятой пятилетки более 12,5 тысячи юношей и девушек республики пополнили коллективы ударных строев России. Каждый третий из них трудится на объектах Западной Сибири.

Продолжая славные традиции ударного шефства над освоением целинных земель, комитеты комсомола Украины выработали определенную систему работы по участию комсомольских организаций в развитии сельского хозяйства Нечерноземья. Донецкий, Днепродзержинский, Запорожский, Киевский, Львовский, Николаевский обкомы ЛКСМУ разработали и осуществляют планы сотрудничества с Калужским, Свердловским, Орловским, Брянским, Вологодским, Ярославским обкомками ВЛКСМ, которые предусматривают: направление по комсомольским путевкам юношей и девушек, студенческих строительных отрядов на сооружение важнейших сельскохозяйственных объектов, шефство над своевременным изготовлением заказов для областей Нечерноземья, заключение договоров о социалистическом соревновании между комсомольскими организациями, комсомольско-молодежными коллективами, проведение совместных школ передового опыта, совместных культурно-массовых и спортивных мероприятий. Вот уже четырнадцать лет в обустройстве нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири активное участие принимают студенческие строительные отряды Украины. За это время школу трудового воспитания прошли в Тюменской области 160 тысяч посланцев учебных заведений республики. Они освоили более 700 миллионов рублей капиталовложений.

Наши студенты участвовали в обустройстве Шаимского, Уренгойского, Самотлорского месторождений, строительстве газопровода Надеж — Центр, ЛЭП-500, железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут, Сургут — Уренгой и множества других объектов жилищного, культурно-бытового и производственного назначения.

Выполняя задачи по развитию нефтяных и газовых районов Западной Сибири, поставленные перед комсомолом в приветствии ЦК КПСС и речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева на XVIII съезде ВЛКСМ в 1978 году, комитетами комсомола республики подготовлено и направлено на важнейшие стройки Тюмени более десяти тысяч посланцев учебных заведений.

А на ударных комсомольских стройках Украины, например, на Чернобыльской АЭС, монтируется оборудование, поставленное с машиностроительных предприятий России. Из Ставропольского природного газа в Донбассе вырабатывают удобрения и многие виды химической продукции. На горячем, добытом в Поволжье, Предуралье, Западной Сибири, работают трактора, комбайны, автомашины украинских колхозов и совхозов. И «Атоммаш», в строительстве которого принимали участие посланцы украинского комсомола, со временем начнет

поставлять агрегаты для украинских атомных электростанций.

С каждым годом крепнут и развиваются традиционные связи молодых ученых двух братских республик. Пять лет назад по инициативе комсомольской организации Киевского института автоматики был заключен многосторонний договор о научно-техническом сотрудничестве между 17 комсомольскими организациями исполнителями, участвующими в создании автоматизированной системы управления технологическими процессами бломинга «1500» и универсального балочного стана Нижне-Тагильского металлургического комбината — Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Договор подписали комсомольские организации Москвы, Свердловска, Нижнего Тагила, Харькова, Львова, Северодонецка, Житомира. Инициатива комитета комсомола института автоматики одобрена ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ Украины. Работа в рамках такого многостороннего договора позволила оперативно решить ряд важных задач, среди которых поставка крупногабаритных деталей и вычислительной техники Уральскому заводу тяжелого машиностроения.

Интересный опыт сотрудничества с комсомольскими организациями и советами молодых ученых и специалистов Москвы, Воронежа, Саратова накоплен комсомольской организацией киевского научно-производственного объединения «Маяк». Успешно развивается сотрудничество комсомольских организаций института электросварки имени Е. О. Патона, Академии наук УССР, ОКБ Геофизприбор с молодыми учеными различных городов РСФСР. Силами комсомольско-молодежных коллективов Киевского института автоматики к 60-летию ВЛКСМ на предприятиях Российской Федерации и Украины внедрено 15 сверхплановых разработок с экономическим эффектом более миллиона рублей.

Часто в комиссии по премиям Ленинского комсомола и республиканской комсомольской премии имени Н. Островского постуапуют работы, в авторский коллектив которых входят молодые ученые двух братских союзных республик.

И очень показательно, что лауреатами нашей республиканской комсомольской премии в этом году стали москвичи — научный сотрудник Физического института имени Лебедева АН СССР В. А. Исаков и инженер Н. В. Фералонтов.

Духовному сближению украинской культуры с культурой великого русского народа, интернациональному воспитанию молодежи способствуют декады, недели, дни литературы и искусства РСФСР, фестивали «Киевская весна», «Золотая осень», «Крымские зори», «Донецкие самоцветы», «Слава труду», выливающиеся в яркие праздники дружбы, торжества ленинской национальной политики.

И в то же время для творческой молодежи Украины нет большей чести, чем выступление перед взыскательным зрителем Москвы, Ленинграда, Ростова, Ярославля, многих других городов Российской Федерации, где высоко ценят и любят украинское искусство.

Сегодня у нас общий праздник. И, отмечая замечательную дату в истории русского и украинского народов, комсомольцы семидесятых может с гордостью сказать, что есть и ее доля труда и заслуг в укреплении великого братства.

Беседу записал
Леонид ПЛЕШАКОВ.

Отзвук истории в

Роман ЛУБКОВСКИЙ

Приходят в пустыни моря,
Братаются горы и реки.
Сияет единства заря
Над нашей страной—навек!

В лучах ее—Волга и Днепр,
Могучий Урал и Карпаты,
И в каждом стремительном дне
Сиянье ее многократней.

Открытостью хат и сердец
Мы русского брата встречаем.
Священного братства венец
Отчизны чело возвышает.

Великих народов сыны
Ряды нерушимо сплотили,
И, ленинской душой сильны,
В дорогу идут побратимы.

Павло МОВЧАН

Памяти Василия Шукшина

Рожденное землей—вернется в землю,
но крепнет дух в надежде вековой:
бессмертье все живущее объемлет,
и в слове ты останешься живой.

Нам так легко
в любое время суток
тебя
в траве ли, в небе
ощутить,
и в каждой нашей прожитой минуте—
твоими крыльями
возвышенно парить.

Едины мы. Землею и водою,
и колосом, и яблоком в саду,
едины мы
разлукою с тобою,
нам выпавшей внезапно на роду.

Полны мы этим солнцем и ветрами,
обделены мы—нет тебя у нас,
но будешь ты, как память боли, с нами,
равняющая всех
во всякий час.

Траву на долголетье в узелки
связал надежно,
цветник шафрановым подрисовал роскошно
и выкружил кувшин я на гончарном круге,
еще и луч пустил по рукотворной груше;
веселый лучик мой по венчику скользит—
пей солнечный настой, чтоб жажду утолить.
А кто там повязал узлами за ночь вербы,
по стежке воск разлил от двери до лужка,
где молочай цветет, на безмятежность щедрый;
кто вычеканил солнце по всем живым цветкам?

Наследие зимы—звонит в коре морщина,
сияют перья птиц, полетами маня,
меж пальцев—голубень,
как раздвижная ширма...

— Зачем тебе?..
— Мой друг, не спрашивай меня..
Сейчас вот полечу вослед за облаками
и натрясу дождей, чтоб зимний смыли след,
и, словно в янтаре, увековечу в капле
я этот юный мир
на миллионы лет.

КРЕЩАТИК НА БАМЕ

Генрих ГУРКОВ,
специальный
корреспондент «Смены».

«Объявляется посадка в самолет,
следующий рейсом...»

Вот уже сколько раз бесстрастный
голос из репродукторов срывает с места
одних, то других пассажиров, утом-
ленных многочасовым ожиданием. Что-
то там несуразное творится, в большом
мире за пределами иркутского аэропор-
та. Где пурга, где туман. Здесь, в Иркут-
ске, погода ясная. Просто мороз. Обыч-
ный, ординарный—минус сорок два. Я
пробежал от машины до обледеневшей
стеклянной двери аэропорта—много
ли времени?—но уже отчетливо ощу-
тил, что нос начал жить какой-то са-

мостоятельной жизнью. Оттирать при-
шлось...

Напротив сидит парень в мохнатой
лисий шапке и фундаментальных ун-
тах, ест мороженое в вафельном ста-
канчике. Поблескивает магнитофон
«Сони» у его ног. Высоцкий сетует:
«Открыты Лондон, Дели, Магадан,
открыт Париж, но мне туда не надо...»

Надо в Казачинск. Как выяснилось, не
только мне, но и парню с мороженым и
Высоцким. Вместе поднялись, когда в
радиоприглашении наконец-то прозвучало
название воздушных ворот Западно-
го участка БАМа.

В тесном «предбаннике» перед выхо-
дом на перрон парень обнаружил при-
ятеля и на роскошной украинской мове
принялся громко и уверенно повествовать,
чем занимался в отпуске на Полтавщине.
И расспрашивать про Сашку, Колу,
Сурена, Тоню и еще кого-то.

Так уж получилось, что путь у нас
оказался общим. Сначала до Казачин-
ска. Час сорок в воздухе—Европу из
любого конца в конце перелетишь. А
здесь просто до райцентра добрались.
Казачинск—многие ли слышали о та-
ком? Она большая, Родина...

Ну, а потом вместе добирались вахто-
вым «Уралом» до Улькана. 209-й кило-
метр БАМа. В крытом кузове с надписью
вдоль борта «ЛЮДИ» почти все попут-
чики парню оказались знакомыми. И
реплики, которые доносились до меня,
уже не имели отношения к делам отпу-
ским. (Как-то одного крупного физика
спросили о его хобби. Он ответил: «Фи-
зика». Спросите бамовцев об их хобби...)

Парень, с которым я провел вместе

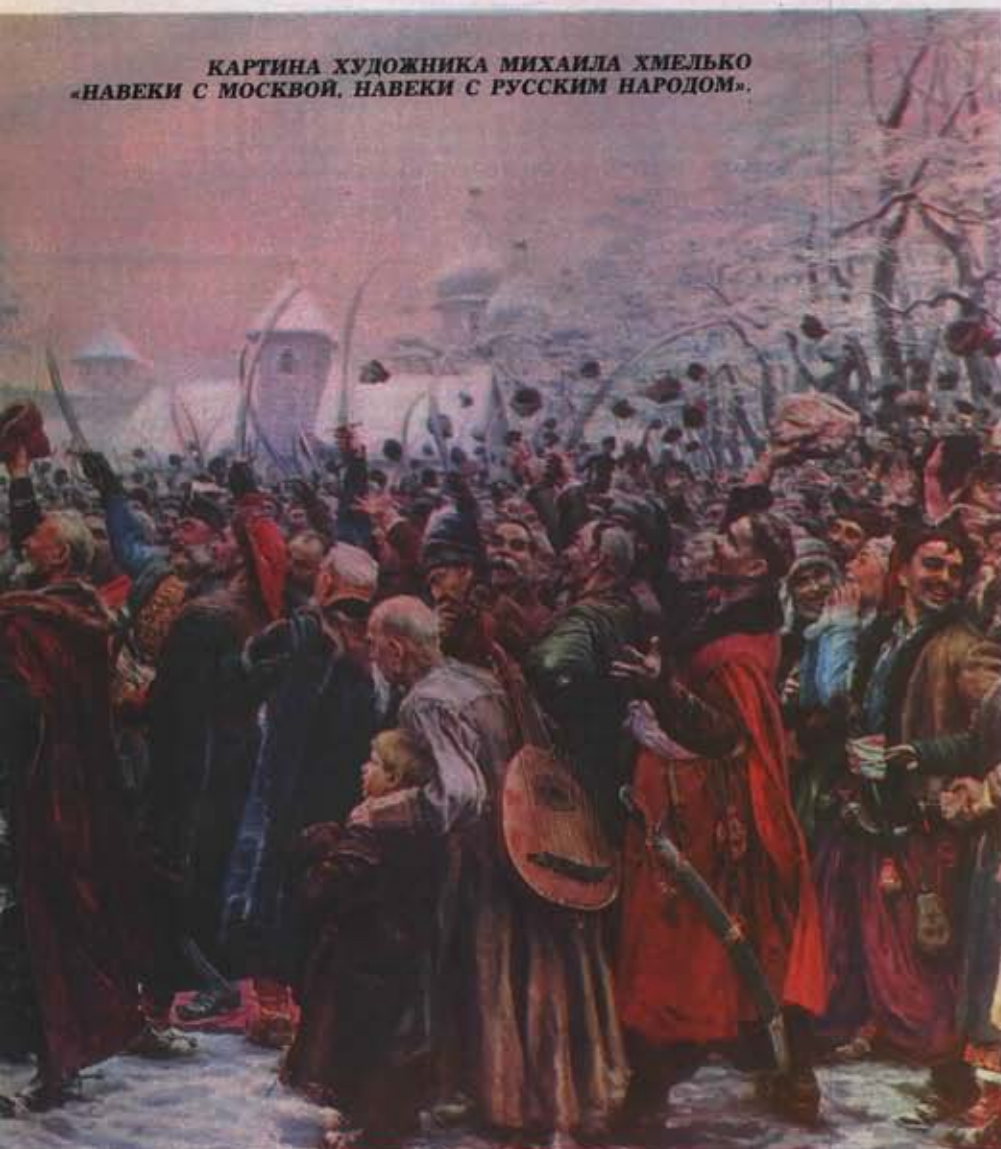
несколько часов и проделал много со-
тен километров, был, судя по всему,
одним из тех, для кого БАМ—это нечто
большее, чем штамп в трудовой книжке
и строчка в платежной ведомости.

Машина остановилась, он выпрыгнул
из кузова, игнорируя подножку, и заша-
гал к золотистому домику, на котором
красовалась надпись: «Улица Крещати-
к». Чуть позже я прошел по этой
улице—она была залита солнцем, я
шел мимо припущенных снегом деревь-
ев (их в Улькане не вырубали, сохрани-
ли), печные трубы выстреливали дым в
морозное небо, зигзаги тропинок под-
сказывали путь от дома к дому. От дома
к дому—от человека к человеку. Здесь,
на таежных просторах, как-то особенно
остро осознаешь, что этот путь и есть
самый главный на свете.

Ульканский Крещатик... Памятный ка-
мень, который поставили высадившиеся
здесь в семьдесят пятом ребята из
ударного отряда «Комсомолец Укра-
ины»... Путьекладчик с надписью

Кипучести Буден

КАРИНА ХУДОЖНИКА МИХАИЛА ХМЕЛЬКО
«НАВЕКИ С МОСКВОЙ, НАВЕКИ С РУССКИМ НАРОДОМ».

Микола ВИНГРАНОВСКИЙ

Ласточка вновь за окном,
Ласточка нашей повети,
Чем тебя, ласточка, встретить:
Медом; борщом, молоком?

Ласточка, лету конец,
Взять бы птенцов твоих в хату,

Я научил бы писать их:
Небо, Днепр, сорванец...

Ласточка, где ни летай,
Мало натешиться вволю:
В сердце навеки оставь
Небо, Отчизну и волю.

«БАМ — магистраль века!», взметнувшийся над просекой, над отсыпанным полотном еще одно звено рельсов... Стремительный ритм монтажа — рождение новых метров и километров Байкало-Амурской магистрали... Долгие разговоры по вечерам...

В каком же поразительном сплыве соединились на БАМе строчки личных биографий и строки биографии страны! О двух людях, двух близких друзьях часто слышал я в Ульяновске.

Виктор Лакомов. Владимир Удовиченко. Люди на БАМе почти легендарные. Упомянули о них (или подробно говорили) то вместе, то в отдельности, но каждый раз возникали какие-то глубинные взаимосвязи. Всей логикой их жизни определены...

Владимир родом с Харьковщины. Виктор — из-под старинного русского города Ельца. Отцов звали Иванами. Одинаково. И судьба их одинаковой оказалась. Оба ушли на фронт — защищать Родину. Оба не вернулись. «...Проявив

мужество и отвагу», — было написано в похоронках. Может, в горьком и трудном военном времени, когда рано взрослеют мальчишки, и закладывались первые черточки того сходства путей и характеров Виктора и Владимира, которое сегодня кажется удивительным?

Того и другого свела железная дорога Абакан — Тайшет. Впрочем, Виктор проработал на стройке всего лишь три месяца, а потом пришла повестка из военкомата. Владимир отслужил раньше. Их общая трасса — это железная дорога Хребтовая — Усть-Илимская. 214 тяжелейших километров. Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

И еще была у них общая командировка. В Чили. В семьдесят третьем, во времена правительства Народного единства, строили там железную дорогу к медеплавильному комбинату. Частные компании брались сделать ее за полгода. Лакомов, Удовиченко и их товарищи построили дорогу за тридцать восемь

дней. Я сказал «товарищи». Это были советские комсомольцы и молодые чилийцы. Своих встречают, конечно. Бывает, реже. Бывает, чаще. Коля Чернов, например, и сейчас в бригаде Лакомова на БАМе. О чилийских парнях, с которыми тогда подружился, ничего не известно...

И снова общая строчка в биографиях и судьбах Лакомова и Удовиченко: XVII съезд ВЛКСМ. Оба делегаты. Командиром Всесоюзного отряда, выезжающего на БАМ, назначен Герой Социалистического Труда Виктор Лакомов. Заместителем начальника штаба ЦК ВЛКСМ на Западном участке становится Удовиченко.

...В Иркутске на областной комсомольской конференции, в шумном, гудящем, как улей, зале регистрации, где названия, написанные на бланках, приколотых к красному сукну, и на эмблемах, пришитых к рукавам отрядовских курток, говорят сами за себя: «Братск», «Усть-Илим», «БАМ», в этом жизнерадо-

стном праздничном скоплении людей, знакомых и незнакомых, видел, как шагнули навстречу друг другу два человека. Обнялись крепко, по-мужски. Посмотрели в глаза. Наверное, заметили и морщины новые и седину. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым...» Красиво поется в песне.

Их фотографировали... Удовиченко улыбался как-то растерянно. Лакомов недовольно морщился. Потом махнул рукой, сказал: «Извините. Пошли, Володя».

Сидели в перерыве где-то в уголке. Два человека, у которых так много общего. И такого общего.

...Она большая, Родина. Все объединяет она: Елец и Магистральный, Харьков и Ульяновск... Они расположены на далеких друг от друга меридианах, в разных часовых поясах. И все же рядом.

Спасибо, что еще раз напомнил об этом морозный и солнечный, щедрый на дружбу Крещатик на БАМе...

Станислав СТРИЖЕНЮК

Пояс славы

Не угасает
памяти экран.
История
горит багровым цветом:
Григоровка,
Дальник,
Сухой лиман.
Год сорок первый.
Поле боя.
Лето.

В окопы весть идет политруком.
Идут легенды к утомленным людям:
мол, там, за Воронцовским маяком,
«Потемкин» расчехлил свои орудья.

За окопом
то ли гром гремит,
то ль вражеские наступают танки.
Но Березань обороняет Шмидт,
комбриг Котовский ждет врага в Чабанке.

Так изнуряет и гнетет жара,
и нет воды, хоть за плечами — море.
А пулемет, как будто телеграф,
упрямо ленту сжал в зубах затвора.

Здесь — нам стоять.
Здесь — наш святой кордон.
И пулемет дрожит
от страшной боли, —
когда последний выбросит патрон,
он в смерть ударит
накилями соли.
Здесь в каждой гильзе —
грамм родной земли,
что в поросли
бессмертниками дышит...
Гудят в тех гильзах ветры,
как шмели,
и так гудят,
что мы молчанье слышим.

Целина

От юности
Лица не отвернуть,
То память добрая —
Не соль на ране.
Хотя в местах,
Где пролегал наш путь,
Кувшин воды —
Что золото в кургане.

Да, свой характер
Там я создавал,
Где слезы радости
От сверстников не прятал,
Когда,
Палаху сдвинув,
Кос-Арал
Слал к нам на помощь
Ливневые пряди.

Вот где носить хотелось на руках
Нам тучи,
Пробуждая степь до солнца...
(На молниях распяты облака,
Как ночи —
На кострах землепроходцев.)

Те зарева не гаснут.
И в грозу
Вплетаются раскаты Байконура,
Что высаял
В целинную росу
Космические зерна
Ранним утром.

И юность наша нынче не молчит —
Ведь научилась верить беззаветно,
Что солнце тоже можно приручить
И покорить
Неукротимый ветер.

Ну, что ж,
Простое слово —
Целина —
Звучит во мне
Мелодию вешней:
Я понял в Казахстане,
Что она
И в космосе немереном
Не вечно.

Перевел с украинского Николай КОТЕНКО.

Мир подростков — сложнейший мир интересов и переживаний, связанных, с одной стороны, с жизнью детей, откуда они только что пришли, а с другой — с жизнью взрослых, куда они так стремятся. Подросток — это быстро развивающийся человек. У него огромная тяга к знаниям, умениям и трудолюбивые руки, жажда инициативы, стремление совершать поступки, требующие подчас немалого гражданского и личного мужества. И такими сегодня растет большинство 14—17-летних юных граждан нашей страны. Но бывает, что переход из детства в юность оказывается не по силам юной личности, и тогда ломается не только голос, но и характер, пересматриваются нравственные ценности.

«Отрочество знаменательно тем, что человек не только открывает человека (это характерно и для детства), но ищет человека», — писал замечательный педагог Василий Александрович Сухомлинский. Именно в это время очень важно, кто протянет подростку свою руку, кого откроет он для себя — мудрого, серьезного наставника или «шефа» с улицы, ивешего уже конфликт с законом.

Остаток подростка — школьника, учащегося ПТУ или техникума, начинающего рабочего — от дурного времяпрепровождения во дворе, от дурной компании, научить его полезному и радостному общению со сверстниками и с окружающей миром, направить его буйную энергию на доброе, интересное дело — важная и благородная задача взрослых — родителей, педагогов, комсомольских активистов, всех, кто призван заниматься воспитанием юности. Конечно, в один день эту проблему не решить. Тут нужна постоянная координация усилий семьи и школы, производственного коллектива и комсомольской организации. Только при их заинтересованном внимании к подросткам, умения и желании развить все хорошее, что есть в юных душах и сердцах, можно нейтрализовать то дурное, отрицательное, что подросток успевает получить в жизни.

Надо сказать, что «Смена» не раз поднимала на своих страницах тему

взросления юного человека, но всякий раз это происходило без участия самих подростков. А сегодня под рубрикой «Прошу слова!» мы публикуем исповедь юноши, который из «трудного» чуть не превратился в преступника, о чем сам открыто поведал нашему корреспонденту. Рассказ молодого писателя Бориса Васильевского тоже посвящен раскрытию сложного внутреннего мира юноши в отношении его со взрослыми. Завершением этой темы служит репортаж о работе одной из комиссий по делам несовершеннолетних, существующих сегодня при исполкомах местных Советов народных депутатов. Комиссия, сделавшая много хорошего для тех, кого мы называем «трудными».

Формировать у каждого подростка активную жизненную позицию, высокие нравственные качества — одна из важнейших задач комсомольских организаций. В Резолюции XVIII съезда ВЛКСМ записано: «Комсомольцы обязаны строго следовать моральному кодексу строителей коммунизма, высшим принципам нашего общества, самоотверженно служить идеалам коммунизма, любить Родину, занимать активную жизненную позицию, хорошо знать свои права, уметь применять их в интересах общего дела, отчетливо понимать неотделимость прав от добросовестного выполнения обязанностей гражданина СССР. В нравственном воспитании молодежи полное опираться на трудовые и учебные коллективы, семью, общественное мнение».

Что делают комсомольские группы, комитеты комсомола, райкомы для того, чтобы претворить эти рекомендации съезда в реальные дела? Какие существуют проблемы на пути решения важнейшей задачи, возложенной на комсомол, — коммунистического воспитания молодежи? Кто из известных вам воспитателей, наставников подростков мог бы служить хорошим примером для остальных? Напишите нам об этом.

Мы ждем ваших писем.

Что-нибудь из бывшей хулиганской жизни? Во-первых, прошлое мое — это прошлое, и пускай для всех я буду каким-нибудь... ну, скажем, Сергеем Фоминим по кличке Фомка, а во-вторых, не такой уж я был

отъявленный хулиган, да и в душе, может, вовсе не хулиган, чтобы из меня «героя» делать... Не верите? Я и сам порой удивлялся: вроде нормальный человек, чувствительный даже — то за мать переживаю, то за сестру, — и вдруг бац! — выкинул что-нибудь, а откуда что взялось — понять не могу... Раздвоенность какая-то во мне постоянно сидела — думал одно, а делал другое. Вернее даже так — чувствовал одно, а делал другое, потому что думать — это у меня всегда получалось плохо, и не потому, что я дурак от природы, говорят даже, наоборот, от природы я сообразительный, а потому, что размышлять логически не умел, додумывать вещи до конца, все вроде никогда как-то было, не до размышлений.

А начиналось все это... Вы подумали о школе? Нет, еще раньше, в детском садике, в который я ходил, как все, ничем от других не отличаясь, тихий, скромный, послушный мальчик, по праздникам носил белые носочки и пел звонкие куплеты. Толком я ничего не понимал, но как-то так все вокруг звучало и бодрилось, что и я делал вид, что я веселый, бодрый и понятливый, а на самом деле я был все время какой-то испуганный, немного заторможенный и отрешенный. Я был все время как бы настороже — меня домой тянуло, спрятаться от всех где-нибудь под кроватью, где никто меня не видит. Теперь вопрос — почему у меня такой характер складывался... Я много думал об этом, и вот только теперь, когда я уже взрослый и давно «завязал» с прошлым, у меня появилась кое-какая догадка. Говорят, хулиганы берутся из неблагополучных семей... Я думаю, неблагополучность — это что-то внутреннее, скрытое, непонятное на первый взгляд. Ну, а то, что там пьют, ругаются, скандалят, — это уже следствие, хотя, возможно, следствие решающее. Вот наша семья... Отец мой не пил, с матерью они не ругались. Было у них в жизни одно большое горе — в тринадцать лет погиб мой старший брат, попал под машину, — и все-таки что-то между ними было не так, а что — не могу понять даже сейчас. Когда я родился, меня назвали именем брата, мать вкладывала в мое воспитание всю душу, это я сейчас

очень хорошо понимаю, и все же, когда мне было лет пять или чуть меньше, отец вдруг ушел от нас. Ушел навсегда, и не к другой женщине, нет, а просто так и до сих пор живет один — в однокомнатной квартире, которую получил от стройки: он всю жизнь работает

ПРОШУ СЛОВА!

Сергей ФОМИН

прорабом. А мы, как видите, остались вот в этой комнатенке — мать, я и моя старшая сестра, которая, правда, вышла недавно замуж и живет теперь с мужем-военным в другом городе. Мать у меня фронтовичка, всю войну была санитаркой, три раза получала тяжелые ранения и контузии, защищала Ленинград, награждена разными боевыми медалями, а я, олух, долго все это не мог осознать. Казалось бы, я должен был быть у нее хорошим, а я чем старше становился, тем все больше нагнет и хулиганил, грубил матери...

Вот кого мне не хватало больше всего на свете, так это отца. Рядом со мной, пока я был маленький, должен был находиться сильный, волевой, мужественный человек — мужчина, с которого бы я мог брать пример, который бы был моей опорой и защитой, который бы научил меня презирать трусость, слабодушие, заискивание перед сильными сверстниками. И не для того, чтобы я был каким-нибудь особенным, нет, а просто чтобы рос нормальным парнем, без комплексов, как сейчас говорят. Но отец бросил нас, бросил меня, и в том, что я стал хулиганом, я вижу прежде всего его «заслугу». Потому что, как это ни покажется странным, но среди хулиганов всего каких-нибудь пять — десять процентов ребят сильных, с твердым характером, а остальные все либо «шестерки», либо просто бесхарактерные.

Лично я был из таких вот бесхарактерных, которым сам бог велел подчиняться сильным, исполнять волю других.

Может, это даже закон такой: если ты сильный — ты командуешь и подавляешь, а если слабый, то только воображаешь да тысячу раз прокручиваешь в уме, как ты даешь, например, сдачу или расправляешься с несправедливостью. И вот это воображение тоже,

на пару мы с ним колошматим всех моих бывших обидчиков, то еще какую-нибудь катавасию нарисую перед собой. А кончилось это тем, что стал я за ним по пятам ходить, угрождать начал, подхалимничать. Мало того, что он был намного сильнее и смелее меня, так он

ПОТЯЯ

по-моему, сыграло со мной злую шутку — мечтал я, мечтал о том, чтобы стать сильным, ловким да выносливым, и вдруг в моей жизни, классе так во втором, происходит одно событие, которое и повернуло мою судьбу в другую сторону.

Дело было так. Мать, собирая меня в школу, всегда совала мне в портфель какую-нибудь еду — хлеб с колбасой или с сыром, ну, и бывали, конечно, случаи, когда ребята постарше отбирали у нас, малолеток, бутерброды: подойдет к тебе дылда, даст хороший щелбан, залезет лопой в портфель — и будь здоров. И попробуй пожалуйся — хуже только будет. Однажды, когда трое «гавриков» отобрали у меня сверток, за меня вдруг заступился Женя Полковников. Не знаю даже почему: может, враждовал с кем-нибудь из этих троих. «А ну, верни пацаненку завтрак», — говорит. «А тебе-то какое дело, Полковник?» — спрашивает один из тех. «Полковник» в то время учился в четвертом классе, хотя было ему уже лет 14 (он несколько раз оставался на второй год), дрался налево и направо, вообще был смелый и сильный, никого не боялся; рассказывали, он мог во время урока встать и уйти, и никто ничего с ним поделать не мог. В общем, слава у него уже была среди нас кое-какая. Так вот, достает он из кармана цепочку, на конце — гайка, говорит еще раз: «Ну?! Отдадите жратву?!» Те пихнули мне бутерброды — и бежать. «А ты чего губы развесил? Раззява...» И пошел от меня, ничего больше не добавив.

Вот с тех пор и разыгралось мое воображение... То представляю, как я сам тех троих удельваю, то мне видится, что Полковник — лучший мой друг и

еще был гораздо старше и ничего ему от меня не нужно было. Ну, подай то, принеси это — так, мелочи... Но постепенно он привык, что я за ним как тень, и сделалась мы вроде «друзьями». Меня никто больше не трогал, не обижал, да и сам я вдруг стал понахальней, посмелей, даже мать начала удивляться: «Сергея, что это с тобой происходит-то? Ну-ка, посмотри в глаза мне...» — это когда я вдруг огрызнусь.

Ну, а когда я перешел в четвертый класс, мы уже были неразлей-друзья. О нас так и говорили: «Вон идут Полковник с Фомкой, сейчас дело будет...» Тогда-то я не понимал, а теперь вижу: все, что было во мне темного и дрянного, поползло наружу — сам слабак и трус, а лезу драться, угрожаю, хамлю. Учителя, например, диву давались, глядя на меня: был пай-мальчик, тише воды, ниже травы — и на тебе... Мать тоже в толк не могла взять, никакие слова и уговоры не доходили до меня, а что до сестры — так она вообще перестала для меня что-нибудь значить, скажет мне слово — я ее так отбрею, у нее глаза на лоб лезут. Я, конечно, в драках немного поднатаскался, окреп. Ведь как бывало — Полковник поймает кого-нибудь, говорит мне: «Бей!» — а сам рядом стоит. Я бы, а сдачи мне бояться дать. Пацаны, малышня еще, и бил я не так, чтобы кровь там да синяки, но ожесточался уже по-настоящему... Вот так я «воспитывался» постепенно...

Великая это сила — уверенность. Сначала я был уверен в Полковнике, а позже стал уверенным в себе. Как ни странно, но я постепенно переделал себя и свой характер, и все это в конце концов для того, чтобы впоследствии осознать всю низость и жестокость ху-

Мое первое в жизни самостоятельное путешествие связано с деревней. В тринадцать лет мне купили велосипед. На лето мы увезли его в деревню. Как раньше пропадали из дому на целый день, так и теперь, только теперь — с велосипедом. Я быстро освоил его, научился садиться на ходу, закидывая ногу и через седло и пронося ее спереди, над рамой, соскакивая на обе стороны, ездить, не держась за руль и даже положив на него ноги — обычные все мальчишечьи фокусы... Освоил и все окрестные тропинки, проселки, лесные дорожки, лихо скатывался в овраги, чтобы с налету выскочить на другой склон, пролетал, не тормозя, по узким мосткам через ручьи...

И помню, нечто странное стало происходить со мной в то лето, словно томило что-то, и особенно сильно чувствовалось это под вечер: я вдруг хватал велосипед и, наскоро пробормотав что-нибудь на бабушкин возглас: «Куды на ночь глядя?», — мчался через деревню и дальше по дороге, гнал, изо всех сил налегая на педали, будто очень хорошо знал, куда тороплюсь и зачем... И вот открывалась другая, совершенно незнакомая мне деревня, я останавливался в отдалении и долго смотрел на ее избы, ветлы, по ровному прямоугольнику деревьев угадывал, что в том месте, наверное, пруд, а по отдельной густой рощице с возвышающейся над ней церковью определял, что там кладбище, и узкая полоска вечеряющего неба в просвете колокольни всегда казалась мне почему-то более далекой и печальной, чем то же небо вокруг... До меня доносились звуки — точно такие, как в нашей, когда готовилась она к ночи, деревне: мычание и блеяние скотины, скрип ворот во дворах, зыканье ведра, поколачивание движка, чей-то зов, затихающая возня грачей... Так постояв, я разворачивался и ехал обратно, теперь медленно, как бы успокоившись, будто неизвестная мне самому цель и впрямь была достигнута. Пыль на дороге от выпавшей росы увлажнялась и уплотнялась, на ней особенно отчетливо виднелся оставленный мной только что узорчатый, местами двоющийся след, машинально я пытался повторить этот след, потом сосредоточивался на застрявшей в спицах синей головке василька, глядел, как она вращается вместе с колесом, низвергается вниз, возносится вверх... В лоцинах явственно ощущалась сырость, прохладой веяло от близкого леса с его непроницаемой темнотой, начинающейся сразу от опушки, и лишь в поле, среди хлебов, по-прежнему было еще сухо, сохранилось слабое тепло... Я думаю, что странные те и необъяснимые для меня тогда прогулки и были первыми попытками, предварением путешествия...

Конечно, и раньше, до того, как ему случиться, я каждый год собирался и отправлялся на лето в деревню, а к осени возвращался в Москву, однако, кажется мне, это было не путешествие, но привычный переезд. Из города в деревню, из деревни в город... Заманчивее, радостнее, нетерпеливее, разумеется, было — в деревню. Сидя в поезде, я поглядывал в окошко на перелески, поля, овраги, речки, деревни с единственным интересом — сравнивая, насколько они похожи на известные мне поля и овраги, на нашу речку, на нашу деревню, — с интересом, охлажденным заведомым знанием, что все это — иное...

Настоящее путешествие, как мне кажется, всегда сопряжено с усиленной душевной работой, с деятельным восприятием именно дороги и с благотворным ее влиянием, а тут, по приезде в деревню, дорога сразу позабывалась, как и не было ее. Кроме того, настоящее путешествие не имеет, по крайней мере для меня никогда не имело, особенной конечной «практической» цели, а если и имело, то как повод, чтобы хоть как-то объяснить себе и, главное, другим смутное, но властное движение души, заставляющее тебя неожиданно срываться с места, куда-то ехать... Например, такой внешней и якобы разумной, в расчете на взрослых, целью моего первого путешествия было навестить дядю Васю, Василия Андреевича, жившего в ближайшем городке, но для меня-то самого это действительно был только повод, а настоящая, первоначально важная причина выглядела бы, с точки зрения взрослого человека, детской и глупой, попытайся я рассказать о ней: мне очень хотелось, чтобы бабушка и дедушка смотрели мне, уезжающему, вслед и так же высматривали меня, возвращающегося обратно, как они делали это всегда, встречая и провожая своего сына...

Борис ВАСИЛЕВСКИЙ

РАССКАЗ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Василий Андреевич обязательно несколько раз в лето приезжал в деревню — проводить родителей, помочь по хозяйству... С нашего огорода хорошо был виден уходящий в гору большак, и когда появлялась там далекая точка, старики начинали гадать: машина ли это, или кто на лошади, а может, на велосипеде... Вот становилось ясно, что это велосипедист, и дед говорил: «Мать, а ведь никак Василий? Рубашка-то навроде его...» И снова мы вглядывались неотрывно, пока путник, так и не узнавший нами, разлетевшись с горы, не исчезал из наших глаз. Теперь я выбежал за калитку палисадника следить и... или с разочарованием видел, что велосипедист проскочил мост и едет по деревенской улице, или же, когда он долго не показывался за речкой, во мне укреплялась надежда: значит, он свернул с большака в нашу сторону, затормозил у ручья, перешел по бревнышку и скоро покажется на тропинке внизу бугра. И вот он появлялся из-за поворота, ведя за высокий руль свой старомодный, прочный, на мощных широких шинах велосипед с перекинутыми через раму сумками — дядя Вася.

Я любил его... Какие отличные луки он мне делал! Мы отправлялись с ним в лес, выбирали молоденький дубок и несколько тонких, стройных побегов орешника. Лук из дубка выходил необыкновенной упругости и крепости, а из орешины рука Василия Андреевича, точная рука учителя математики, привыкшая без инструмента вычерчивать на доске любую геометрическую фигуру, выстреливала замечательно прямую и гладкую стрелу. Испытывать лук мы шли на открытое место. Дядя Вася до отказа натягивал тетиву, пуская стрелу вертикально в небо, она быстро терялась в синеве, и вот пора бы ей было возвращаться, а ее все не было, а я с недоумением глядел то вверх, то на дядю, а он с улыбкой на меня, как вдруг стрела с тупым звуком вонзалась в землю рядом с нами... Он был такой же страстный грибник, как и я. Помню, на опушке, перед тем, как войти в лес, Василий Андреевич всегда с неизменной торжественностью, с расстановкой, будто стихи, произносил: «Ну, кто первый белый гриб найдет, тот мне лучший друг!» Как я старался! И все-таки первый гриб обычно находил он... Я хорошо знал наш лес и даже считал его «своим», но мой дядя не раз указывал

мне новое, неизвестное для меня, а ему памятное с юности грибное местечко. И я понимал, что это и его лес, что этот лес еще прежде, чем сделаться моим, был его, и странно, не ревновал...

С Василием Андреевичем связывались разные истории из моего бессознательного младенчества. То бабушка рассказывала, как ни моей маме, ни ей не удавалось уложить меня спать, как я разыгрывался, сидя в кроватке, сам веселый и веселая окружающих, безошибочно угадывая, наверное, сдерживаемый смех в их притворно строгих голосах, но подходил дядя Вася, приказывал совершенно серьезно: «Спать! Спать!» — и я, посмотрев вопросительно и очень внимательно ему в глаза, как это могут делать только совсем маленькие дети, и не увидев там и тени улыбки, послушно отворачивался к стене и быстро затихал. Уверен теперь, что вот тут, переглянувшись с бабушкой и мамой, Василий Андреевич улыбался... То сам он вспоминал, как случилось ему везти меня, едва научившегося ходить, в деревню, как я рыдал и цеплялся за мать, не желая идти к нему, а оставшись с ним на вокзале, потопал куда-то, видимо, в надежде отыскать родное лицо. Дядя Вася не поспешил за мной — спокойно сидя на месте, просто следил, что стану я делать, я же, окончательно растерявшись в толчее, вдруг нашел его, узнал, кинулся, приник и, когда уже приехали в деревню, не захотел отпускать дядю и оставаться с бабушкой и дедом... Снисходительно, как не о себе, но о ком-то другом, смешном и несмышленном, слушал я в детстве эти рассказы, и все-таки тогда они были обо мне — я понял это позже, понимаю сейчас, когда они превратились для меня в рассказы о дяде Васе... Да, я любил его, вначале безотчетно, по-детски, как любим мы всех, кто с младенчества окружает, и любит нас, и занимается с нами, — любил вот за эти воспоминания о нас с ним, за 'лук со стрелами, за грибы... А потом, взрослея, стал любить все сознательнее, вдумываясь в его характер, в его необыкновенную судьбу и все более считая идеалом человека.

...Рассказывала бабушка, что все ее ребята — и Лексей, и Иван, и меньшой Герасим — росли бедовые, только Василий был «смирный», однако слово это никак не подходит к нему, просто на нашем деревенском языке означало оно, что

не любил он озорничать, драться... Был бы мой дядя «смирный» в обычном, распространенном смысле, то есть был бы он кротким, боязливым, покорным, как помыкала бы им безопытно угадывавшая эти качества и беспощадная в таких случаях мальчишеская компания! Но опять же говорила бабушка, что ребята-сверстники никогда не трогали его, напротив, уважали и слушались, чувствуя в нем взамен воинственности какую-то иную силу. Силу эту я определяю как очень рано развившееся в Василии Андреевиче сознание своего человеческого достоинства, сознание твердое, спокойное и сдержанное, без малейшей заносчивости, без высокомерия, которые, как правило, вызывают в окружающих естественное желание подвергнуть сомнению, проверить, умалить вот такое, чрезмерно бьющее в глаза достоинство. И что, пожалуй, немаловажно: сознание своего достоинства присуще было ему постоянно — ведь как часто бывает у многих из нас, что оно то есть, то нет... А еще лучше сказать — это чувство не столько собственного, сколько чувство человеческого достоинства вообще, так что любой из встречавшихся с Василием Андреевичем людей, пусть самым недобрым, злобным, самым сомневающимся в других и в себе, непременно ощущал в нем это воплощение всеобщего достоинства и сразу или постепенно, но обязательно верил в него и, мало того, проникался в конце концов таким же спокойным, уверенным чувством в отношении себя...

После рабфака Василий Андреевич окончил пединститут, успел немного поучительствовать. В войну, как и все бабушкины сыновья, ушел на фронт, был артиллеристом. С весны сорок второго года пропал без вести и только летом сорок пятого прислал письмо: находился, оказывается, в концлагере, в немецком плену. Письмо это, по семейному преданию — сам я не помню, — принес я, дал мне его деревенский наш почтальон, увидев меня на речке с ребятами и поленившись, наверное, идти к нам на бугор. Говорят, я пришел с письмом под вечер, и впоследствии дед с бабушкой всегда ужасались задним числом, как это я, заигравшись, не потерял его, а я, в свою очередь, изумляюсь теперь легкомыслию почтальона — как смог он в то время доверить мне такое, по общему мнению фронтовое еще письмо?! Перебывала у нас тогда вся деревня, и начинали утирать глаза сразу же, после первых слов: «Здравствуйте, мои дорогие родители, Папа и Мама! С большим душевным волнением пишу Вам эти строки после столь продолжительного перерыва и полной неизвестности...» А дальше там шли слова: «Десятки раз смерть своими костлявыми щупальцами пыталась вырвать меня из этой жизни...» И тут уже плакали навзрыд... Потом дядя сам приехал, и опять собирались и плакали, слушая его, хотя рассказывал Василий Андреевич с обычным своим спокойствием и сдержанностью. Известные это теперь все рассказы — о жизни в немецком плену — и выглядят сейчас даже не очень страшными в сравнении с ужасами, о которых потом мы слышали и прочли (а скорее всего, дядя Вася еще с многом и не говорил, щадя отца с матерью), но все-таки те рассказы были первыми, и от родного человека, и слишком действовали тогда на всех, слишком реальны и ощутимы были тогда для всех вот хотя бы «костлявые щупальца смерти»...

Рассказывал он, как кидались некоторые пленные на сырую свеклу, брошенную для потехи немецкими солдатами, как дрались из-за нее, и прибавлял: «Я не кидался...» — и я помню, слышу до сих пор, как звучал при этом его голос — без гордости за себя, за свою выдержку, без противопоставления себя потерянному человеческому облику, но задумчиво, с печалью: «Я не кидался...» Печаль эта пронзала меня, я уже тогда понимал, не мог бы высказать, но точно чувствовал ее смысл: если вы так остро ощущаете не свое, отдельное, но общее человеческое достоинство и видите, как другие его теряют, как их заставили все-таки, довели до этого те, кто утерял его раньше, то вас, наверное, мало утешит, что лично вы-то свое собственное достоинство сохранили, но в вас неизбежно родится вот такая — высшая, за всех, печаль...

Вскоре после возвращения переехал дядя в райцентр и снова начал учительствовать. Постепенно природное жизнелюбие, деятельная его натура взяли верх над пережитым, с увлечением отдался он своей работе, часами, приезжая, говорил о ней и заражал нас, и так же интересно, как ему работать и рассказывать, было интересно нам слушать. Он действительно был настоящий учитель, но когда, случалось, приходилось слышать ему от коллег, что у него врожденный педагогический талант, смеялся и возражал: откуда у него, сына крестьянина, бывшего подпаска, может быть «педагогический» талант, да еще «врожденный»? Просто привык добросовестно относиться ко всякому делу... Было это правдой, но правдой был и талант, я не думаю, чтобы Василий Андреевич не знал о нем, не чувствовал его в себе, так что отрицал его скорее всего опять же «в педагогических целях». Про себя-то он уж, наверно, понимал, что такой талант только и должен быть врожденным, что умение обращаться с детьми и учить их главному — человечности — не специальность и что нигде, ни за какие годы этому не обучишься, если нет в тебе изначального сердечного умения и желания... Но, кажется мне, он потому еще отрицал признаваемый за ним талант, что под этим талантом, как и под иным, обычно подразумевают нечто, присущее отдельным, редким людям. А Василий Андреевич считал, твердо верил, что учительским талантом положено обладать каждому, что это даже и не талант, а одно из необходимых человеку качеств... И за многие годы работы и жизни в городке дядя Вася незаметно, вовсе о том не помышляя, осуществил идеал властвования над людьми тем самым способом, который смутно мерещился мне в детстве, то есть сам прежде всего являя образец человеческой любви, самоотверженности, бескорыстия и чести и вызывая такие же ответные чувства в окружающих...

Он умер несколько лет назад от неизлечимой болезни желудка, развившейся в нем постепенно, видимо, со времен голодовок в концлагере. Но до сих пор, когда случается мне быть в том городке и обмолвиться, что Василий Андреевич — мой дядя, я всякий раз начинаю ощущать особенное, доброжелательное отношение к себе и отлично понимаю, что это отблеск уважения и любви к нему, и мне тоже хочется совершать хорошие и добрые дела. Более того: я понимаю, что теперь мне просто невозможно не совершать их. Так я включалась в эту цепочку, в «цепную реакцию» чувств, с разницей, что первое звено, источник ее здесь не я, а Василий Андреевич... Да и вообще — как можно было полагать себя источником, откуда возьмуть начало добра и любовь и распространяться на других, когда жило столько людей, предшествовавших тебе и передававших друг другу эти тысячелетние понятия, и, наконец, жили те, у кого и ты непосредственно тылся!.. Бабушка, бабушка, дядя Вася...

Так вот, именно то, как Василий Андреевич несется вниз с горы по большаку и, еще более, как уезжает потом, уводит свой велосипед в гору и садится там, так далеко, что уж не разобрать, подействовало на мое воображение и соединилось,

наверное, с внутренней настоявшейся потребностью путешествия, потому что однажды вечером — помню, я уже лег спать, — меня вдруг словно толкнуло: ехать! После чего большую часть ночи я не мог заснуть, заранее представляя свою поездку...

Наутро, когда объявил я о своем намерении, сколько было отговоров! И заплутаешь, и дорогой кто встретит, и мать узнает — она ведь с ума сойдет, а главное, не могли бабушка с дедушкой взять в толк, с чего это я «одумал»... Я был непреклонен. Моей любви к ним противостоял долг: да, я уже ощущал, что должен ехать и что ни моя любовь к ним, ни их любовь ко мне не могут меня остановить, и оттого все это — любовь и чувство долга — еще более обострялось...

Я долго, с сосредоточенностью путника, которому предстоит дальняя и трудная дорога, выводил велосипед в гору, наконец, сел и поехал. Почти сразу слева, среди понижающегося поля увидел я узкую серповидную полоску невысоких деревьев и догадался, что это ведь знакомый мне Глиняный обал, овраг, куда бегали мы за клубничкой, а «невысокие деревья» — это только макушки их, действительно выглядевшие сверху подрастающей рощицей, если не знать, с какой страшной глубины тянулись они. Глиняный обал как бы проводил меня, был последним приветом моей деревни... И вдруг я спохватился, что не оглянулся на том месте, не помахал на прощание бабушке с дедом и так и не узнал, видит ли нас дядя Вася, когда мы машем ему, — совсем забыл обо всем этом, дорога захватила меня! С каким упоением я ехал!.. Кругом разворачивался новый, но и привычный пейзаж: перелески, овражки, одинокие деревья поодаль дороги и — поля, поля, отрадный серду простор полей, замыкающийся на горизонте темными полосками далеких, загадочных, подернутых дымкой лесов. День был солнечный, жаркий, какими бывают они в разгар лета, знойный воздух почти не двигался, и не двигались легчайшие облака, ослепительно белые среди чистой синевы неба. И надо всем стояло тоже будто недвижимое, в какую-то минуту утра начавшееся, быстро набравшее силу, да так и застывшее на самой ликующей ноте звенящее перие всех, что незримо обитал в траве, в хлебах, в придорожных кустах, в небе... Жаворонки! Я нарочно останавливался, задираю голову, безуспешно искал их в вышине. Вот краем глаза замечал я, что совсем близко от меня, из травы, треща крыльшками, начинает подниматься вертикально вверх маленькая птичка; шурясь от льющероса с неба света, я следил за ней неотрывно, чтобы не потерять, и все-таки потерял, потом, казалось, снова находил, но был это, наверное, уже некий призрак, обман зрения, был это лишь отпечаток земной крошечной точки, возникшей в моих глазах от долгого пристального глядения.

...Неожиданно под горой открылась деревня, о которой я знал, что она в шести верстах от нашей, и я поразился, как быстро и незаметно проехал это расстояние, треть моего пути. После долгого и пологого спуска опять пришлось слезать, идти пешком в гору, именно о ней дядя Вася говорил, что это самая большая и крутая, самая тяжелая гора на дороге. И я внимательно следил, тяжело ли мне, — странно, я хотел чувствовать усталость... Из деревни по проселку тоже выехал велосипедист, направляясь к большаку; получалось, что мы должны были сойтись с ним, и я стал медлить, останавливался, делал вид, что проверяю что-то в велосипеде, — чтобы пустить этого человека ехать вперед. Я не желал попутчика, разговоров, мне было так хорошо одному на дороге, кроме того, все-таки смутно жило во мне предостережение бабушки: «Кто встретит». А выйдя наверх, я с неудовольствием увидел, что он просто стоит и поджидает меня. Но он так приветливо мне улыбнулся, так легко со мной заговорил!.. Это был молодой мужчина небольшого роста, черноволосый, кудрявый, смуглый, с крутым, темным от загара лбом, в шелковой полосатой рубашке с короткими рукавами. Левая штанина его чистых, нерабочих брюк была схвачена специальным для езды на велосипеде зажимом. «Поехали?!» — весело предложил он, и ничего не оставалось, как садиться и рядом с ним ехать. «В город?» — спросил мой спутник. Я коротко отвечал: «Да». «А из какой деревни?» Я назвал. «Это чья там?» — продолжал он, не смущаясь, что отвечаю я так односложно. «Райских». «Слышал, слышал... Василий Андреевич не родственник вам?» Мне польстило, что он слышал нашу фамилию и знает Василия Андреевича. «Это мой дядя». «Ага! Значит, к дяде в гости?! А сам, небось, у бабушки с дедушкой на канулах?!» По его общению, по особой свободе и умению расслаблять меня, подростка, и по тому, как быстро он выведал обо мне, и разгадал меня, и упомянул вдобавок дядю Васю, я предположил, что он тоже, наверное, учитель. Настороженность моя исчезла, я все охотнее отвечал ему, поглядывая, как изящно и небрежно лежат его маленькие, крепкие, загорелые руки на руле — не на резиновых ручках, а на сгибах, ближе к середине, — и уже незаметно сдвигал свои, чтобы они лежали так же, как вдруг, сказав: «Ну, спасибо добрый!» — он свернул с большака на другую сторону и уехал по узкому заманчивому коридорчику, сразу терявшемуся среди высокой ржи. Оглядываясь, я некоторое время видел его темную голову — как она, то пропадая, то выныривая, будто сама по себе движется над колесьями. Я расстался с ним без сожаления, но и без досады, что нарушил он ненадолго мое дорожное уединение. И снова отдался дороге...

Да, моя душа уже не была детской, воспринимающей все бездумно и впрок, — она ощущала потребность чувствовать и одновременно, тут же, отдавать себе отчет в своих чувствах. Мне теперь надо было останавливаться, замирать, созерцать деревья, облака, травы, струящийся над полями воздух, надо было вдыхать полной грудью этот воздух, и еще, и еще, пытаясь уловить в отдельности каждый из бесчисленных его ароматов, запечатлеть навсегда само мгновение вдоха, разобраться, что же все это такое, что окружает меня, и разобраться сверх того, что же такое мое потребность разбираться в этом... И я вдруг в первый раз осознал то, чего не замечал раньше, осознал свое одиночество в мире, показавшееся мне безнадежным, ибо, сказал я себе, никто и никогда не узнает, что я сейчас здесь стою и смотрю, а главное, не узнает, как я вижу, что при этом чувствую... Ну, что я чувствовал?! Я пытался определить это хотя бы для себя и ощутил свое бессилие, я понял, что и сам никогда не сумею рассказать об этом, что все будет лишь жалкие попытки. Впервые в жизни и не однажды с тех пор я смотрел на эту прекрасную землю с мучительной грустью, даже с тоской от сознания невозможности постичь до конца и выразить ее красоту. В самом деле, отчего мы можем, по крайней мере пытаемся как-то высказать свое отношение к событию, к книге, к любой сотворенной человеком вещи и даже к человеку, но удивительно немые становимся перед природой?! Может быть, это какое-то завораживающее нас воспоминание о далеком невообразимом времени, когда были мы еще неотделимой счастливой частичкой природы — как эти деревья, вода и травы, — а отделившись безвозвратно, ради слова, все равно были закляты ею, обречены в общении с ней на бессловесность... Помню, что тогда же, на

книги? Но разве не любили читать их многие другие, тот же Глеб? Нет, кроме чтения книг, непременно должен быть еще какой-то настоящий, серьезный, взрослый интерес. У меня его пока не было, а у Глеба уже был. И, завидуя ему, я разбирался, означает ли его сосредоточенность и целеустремленность, что Глеб взрослее меня, или черты эти бывают присущи человеку с самого начала, от рождения. Конечно, не от рождения, говорил я себе, ведь не мог же он с младенчества знать, что хочет стать, к примеру, авиаконструктором?! Следовательно, качества эти приобретаются, когда определяется цель, и как только я найду предназначенное для меня дело, я тоже стану сосредоточенным и целеустремленным... Но, может быть, наоборот—именно его врожденные серьезность и цельность помогли ему сосредоточиться и избрать себе главную цель в жизни, в то время как я еще не помышлял об этом?... Тут я терялся... Одно я чувствовал точно: мне нравились эти качества Глеба, и я прямо связывал их с его внешним обликом, и в ожидании, пока во мне выработаются такие же качества, я невольно начал заимствовать наружные признаки их—подражал медлительности Глеба, его неловкой походке, рассеянности, старался так же медленно говорить, запоздало смеялся...

И опять же—я замечал, что подражаю ему! Ах, это неизвестно откуда и зачем свалившееся на меня свойство все, решительно все замечать: в себе, вокруг, в других людях,—и замечать, как я замечаю, и успевать посмотреть, замечает ли кто еще, и попытаться определить—так же, как я, или нет! Свойство это, без привычки к нему, я воспринимал как обременительное, как очень мучительное порой, даже просто как недостаток, как «отрицательную черту» — инстинктивно понимал, что это свойство будто расщепляет меня изнутри, раздробляет, рассеивает как личность, а я, безусловно, хотел быть цельным, интересоваться чем-то одним и только об этом думать. Могло ли прийти мне в голову, что это означало, что я уже интересовался, давно и незаметно для себя увлекся только одним и только об одном и раздумывал—о человеке, о едином и первоначальном цельном человеке, неизвестно когда и как разделившемся—вот на бабушку, деда, маму, отца, дядю Васю, Глеба, на меня...—и что с помнящим упорным стремлением к цельности я стану снова собирать их в себе, со мною же, опять в единого человека, и снова он будет дробиться на многих людей, которых я еще узнаю, и всю жизнь, как завороченный, только и буду делать, что собирать, и следить, и пытаться постичь это бесконечное сходство и несходство, изменчивость и постоянство, разъединение и общность человека...

...Помню, был вечер, наша компания носилась по двору. Через двор к столу под яблонями, как обычно, проследовал Василий Андреевич со своим коллегой по педучилищу и соседом по дому Василием Михальчем. Неизменно в этот час Василий Михальч стучался к нему и с церемонностью спрашивал: «Готовы ли вы, сударь, пожаловать на ежевечернюю партию в шахматы-с?» И Василий Андреевич откликался: «С удовольствием, Василий Михайлович!»...

Мне вдруг расхотелось—убегать, догонять... Я постоял немного возле дяди Васи и его партнера, послушал тот характерный для шахматистов диалог, который ведут они почти бессознательно, устывая, в фигуры, не глядя друг на друга и как бы не слыша ни своих слов, ни ответов противника, повторяя одно и то же на разные лады, то медленно и с раздумьем, а, когда наконец, решение найдено, с грозным весельем.

С похожей безотчетностью действий, словно ища чего-то, я покинул двор, прошел по улице, обогнул дом и вышел к обрыву. Будто впервые за все дни в городе я увидел далеко простирающиеся за рекой поля с темными разбросанными пятнами лесов и нашел среди них серую ленточку дороги, уходящую к горизонту, где уже ступились сумерки, и дальше, в нашу деревню. Вдруг представил я наш дом, бабушку с дедом, одних... Сердце мое сжалось, в пору было хоть сейчас ехать!

И наутро я уже уезжал, и опять было то же: уговоры погостить еще, и твердость, и чувство освобождения от чего-то, и предвкушение дороги... Все-таки откуда возникла эта тяга у меня, чьи предки всю жизнь сидели на своей земле?...

Минув кремль, я сошел с велосипеда и перед окончательным спуском к реке постоял у Караульной башни. Конечно же, лазили мы и здесь, бежали по широким крепостным стенам, протискивались в узкие бойницы, нависали над темными провалами в башнях, рискуя свалиться на груды осывающегося кирпича. Я вспомнил, как Глеб с уверенностью сказал мне: «Все это восстановят!» Я вообще очень хорошо почувствовал гордость, с какой показывал он мне эти призмистые, суровые, настоящие боевые стены и башни с грубо и несимметрично прорезанными на разной высоте бойницами—узкими и высокими, а еще прямоугольными, почти квадратными,—с глубокими и глухими каменными нишами, показывал щель, через которую поднимали и опускали несуществующие теперь ворота... С неожиданной в нем живостью Глеб тащил меня в музей, размещавшийся неподалеку от кремля, в церкви, говорил, что «вот эту кольчугу нашли именно здесь, у стен», с восторгом растолковывал воинственную символику старого городского герба: княжеская шапка, обнаженный меч и башня с расходящимися от нее лучами... Запомнилась мне висевшая там же, в музее, картина: молодая женщина с длинными светлыми, красиво разлетающимися волосами, прижимая к груди малолетнего сына, ступает на край башенной кровли. Это была княгиня Евпраксия, узнавшая, что муж ее, любимый князь Федор, отправившийся на переговоры с ханом Батыем, убит... «И абие наполнил слез и горести и ринуся из превысокаго храма своего, и с сыном своим со Иваном на среду земли, и заразиса до смерти...» Удивительно: до сих пор живущая старуха помещица как-то не интересовалась, ничего не говорила воображению, а эта, жившая бог знает когда княгиня... Ведь где-то здесь, на этих кручах, ринулась она «на среду земли»!.. Но более всего в кремле почему-то поразило меня место у Караульной башни, где я теперь стоял. Граненый ее цоколь мощно расширялся книзу, из щелей между белыми нижними камнями пробивалась трава. Стена в этом месте поворачивала и уходила вдаль, к следующей башне. Отвесная сверху, линия стены ближе к земле слегка преломлялась, а еще более преломлялась она, переходя в ровный земляной зеленый вал с пропеллинами рыжей глины. Вот эта округлость древней башни, прысло стены, угол между стеной и валом—никогда никакое историческое сочинение не сказало бы мне больше, чем это место...

...А потом так же долго стоял я и глядел на нашу деревню, когда показалась она, наконец, под горой, на ее крыши и ветлы, на знакомый изгиб речки, на окружающие леса и—с особенным чувством, будто вернулся издалека и после очень долгой разлуки,—на наш бутор, на одинокий вяз у колодца, крышу нашего дома... Казалось все это мылым, родным и почему-то очень беззащитным, и хотелось укрыть, защитить...

Валерий ПЛЕШАКОВ. Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные корреспонденты «Смены».

АНДРЕЙ, ЛЕНА, БОРИС И ДРУГИЕ...

РЕПОРТАЖ О РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

«Развивать совместную деятельность ВЛКСМ с государственными, хозяйственными и общественными организациями в решении вопросов, касающихся молодежи. Расширять контакты с постоянно действующими комиссиями по делам молодежи в Советах народных депутатов...»

Из резолюции
XVIII съезда ВЛКСМ.

Жмурое зимнее утро. Уличные фонари еще проливают свой блеклый свет на покрытую выпавшим за ночь снегом мостовую, а в кабинете ответственного секретаря комиссии по делам несовершеннолетних при Центральном райисполкоме Совета народных депутатов города Тулы Николай Павлович Брябрина уже сидит первый посетитель. Мы тоже присаживаемся у окна и наблюдаем, с чего начинается рабочий день этого немолодого уже человека, фронтовика, посвятившего себя благородной задаче воспитания (и перевоспитания!) подростков, чья жизненная судьба складывается пока не так, как у их большинства сверстников.

Напротив Николая Павловича— невысокий веснучатый паренек. Кличка—«Валет». Симпатичный в общении, общительный подросток, с заметно пробивающимися черными усиками. Держится непринужденно.

Из инспекции по делам несовершеннолетних в комиссию поступила информация о том, что Андрей Т. играет в карты на деньги. Мать Андрея на днях доставила в больницу с острым сердечным приступом, и парень остался один.

Николай Павлович незамедлительно вызвал его на беседу.

— Что случилось, Андрей?
— Ничего особенного. Зачем вызвали-то?

— Говорят, к картишкам пристрастился...

— Да, а что тут плохого? Карты развивают мышление.

— Ты так думаешь?
— Уверен.

Николай Павлович усмехнулся:
— Ну, а в шахматы умеешь играть?

— А как же!

На столе появляется шахматная доска.

— Садись,—пригласил Николай Павлович.

Паренек на мгновение растерялся, затем решительно пододвинулся к столу.

Белыми выпало играть Андрею. Ходил он деланно небрежно, но иногда можно было уловить его цепкий, внимательный взгляд, оценивающий по-

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.

зирию на доске. Минут через пятнадцать Николай Павлович потерял ладью и надолго задумался.

Андрей откинулся на спинку стула и засмучал. Наконец Брябрин сделал ход. Парень быстро ответил.

— Карты, говоришь, мышление развивают?—спросил вдруг Брябрин, и его ферзь нанес сопернику молниеносный удар. Исход партии был ясен: Валет следовал мат в два хода.

— Играешь ты неплохо,—постарался успокоить расстроенного паренюха Николай Павлович.—Если бы всерьез занялся шахматами, мог бы, мне кажется, добиться успехов. Ну, а карты...

Мелкие уловки, слепая вера в выигрыш, да и у игроков одно на уме: кто кого перехитрит. Ведь для них главное одно—деньги. Деньги любой ценой.

Кстати, у тебя-то много ли осталось после карточных встреч с друзьями?

— Мне хватит.

— Отец, что ли, помогает?

— А как же, по закону обязан,—покривился Андрей.—Интересы детей охраняются государством.

— Это верно. Только почему ты традишь их на игру в карты? Излишки завелось? Лучше бы матери на эти рубли в больницу гостинцев отнес.

При этих словах Андрей низко опустил голову.

— Пойми, Андрюша, ведь ты у матери единственная поддержка. Впрочем, какая ты поддержка! — Брябрин махнул рукой. — Балласт ты. Дерзишь, срываешь уроки. И во дворе все от твоих проделок страдают.

— Учусь я не хуже других. — Андрей поднял голову.

— Я не про твои отметки. Даже образованный человек может быть дрянью.

— Ну да, правильно. А взрослые каждый день только и твердят одно: «Не опаздывай на уроки, аккуратно выполняй домашние задания». А в этих обязанностях, как сказал один известный педагог, «узкое поле для борьбы и преодоления трудностей, для формирования идейных убеждений».

— Вот видишь, ты и Сухомлинского, оказывается, знаешь. Только поверхностно. Великий педагог больше всего ценил в людях аккуратность и точ-

справишься. А без среднего образования профессией в совершенстве не овладеешь.

— А примут меня? — неуверенно спрашивает Лена.

— А как же! Хочешь, я с тобой в школу схожу?

Девушка молча кивает.

— Тогда, — весело говорит Николай Павлович, — подходи сюда в пятницу часиков в десять. — Брябрин делает пометку на календаре.

— Спасибо вам, Николай Павлович. — Лена направляется к двери, но неожиданно поворачивается и тихо говорит: — За все спасибо.

Брябрин постукивает карандашом по столу и рассказывает:

— Нелегкая у девочки судьба. Полгода назад возвратилась из спецпрофтехучилища, куда была определена за бродяжничество и нежелание учиться. Все из-за семейной драмы. В детстве ни ласки не испытала, ни теплого слова не слышала. Отец дебоширил, потом был осужден за хулиганство.

ность. Эти качества позволяют преодолевать любые трудности. А насчет формирования убеждений... Не в темном сарае с колодой засаленных карт в руке они приобретаются. — Николай Павлович встал, положил руку на плечо парня. — О матери подумай, Андрей. Каково ей будет, если с тобой случится что-нибудь серьезное?

Парень ничего не ответил. Да и, судя по всему, Брябрин и не ждал от него каких-либо уверений и обещаний. Не в его это характере — вытягивать ни к чему не обязывающие клятвы.

Когда за подростком закрылась дверь, Николай Павлович сказал нам:

— Хороший в общем-то парень. Только трудно ему будет найти себя. Ох, как трудно! Но улице мы его ни за что не отдадим.

В дверь постучали. Как-то бочком, робая, в кабинет проскальзывает милостивая девушка лет пятнадцати. Брябрин радостно улыбается.

— Ну, рассказывай, Лена, как у тебя дела, как с жильем, с работой?

— Спасибо вам, Николай Павлович. Живу в общежитии, комната на двоих. Освоила профессию швей-мотористки. Вот вступаю скоро в комсомол.

— Рад за тебя, Лена. У тебя, кажется, восьмикласска? Дальше учиться думаешь?

— Боюсь, не справлюсь: трудно будет и работать и учиться.

— Ты же упорная, обязательно

Мать зашла, была направлена на принудительное лечение. Сейчас за судьбу Лены борется не только наша комиссия. Помогают партийная и комсомольская организации ателье, где она работает. Думаю, Лена на правильном пути и станет настоящим, счастливым человеком.

В три часа дня члены комиссии во главе с ответственным секретарем отправились инспектировать одну из школ района. Вместе с ними поехали первый секретарь райкома комсомола Сергей Казаков и секретарь райкома Геннадий Проценко — комиссия работает в тесном контакте с комсомольскими организациями района. Школа, в которую они выехали, несколько лет назад находилась в числе «передовиков» по части совершенных ее учащимися правонарушений. Школьная комсомольская организация запустила идейно-воспитательную и спортивно-массовую работу среди подростков. Нарушители дисциплины, прогульщики, что называется, зажали вольготно.

А потом в школе случилось ЧП. При загадочных обстоятельствах из спортзала были похищены кожаные маты. Похитителями оказались семиклассники, которые самовольно оборудовали в подвале одного из домов тренировочный зал, где занимались... борьбой и боксом. Пока их не задержали работники милиции.

Брябрин вместе с райкомовскими работниками стал разбираться в слу-

В УЧЕБНОМ ЦЕХЕ.

«ЖЕЛАЮ ТЕБЕ УСПЕХОВ!»

жившемся. Обнаружилось, что спортивные залы от микрорайона на значительном расстоянии. Уроки физкультуры в школе проходили скудно, часто срывались, секций вообще не было. Вот и потянуло ребят к самостоятельности. Надо отдать должное работникам Центрального райкома комсомола, которые вместе с членами комиссии сразу после этого случая принялись исправлять положение. Были проведены субботники и воскресники, построены дворовые спортивные городки, хоккейные коробки, волейбольные площадки. Пусть еще очистили под футбольное поле. Из числа лучших спортсменов района выделили тренеров-общественников. Над трудными подростками взяли индивидуальное шефство члены районного комсомольского оперативного отряда. Ввели в практику еженедельные рейды с посещением неблагополучных семей. Вся эта работа в комплексе скоро дала ощутимые результаты: ребята стали лучше учиться, снизилось количество правонарушений, совершаемых подростками.

Что же касается сегодняшнего выезда членов комиссии и комсомольских активистов в школу, то он понадобился исключительно как профилактическая мера.

На следующий день мы застали Николая Павловича в тот момент, когда он перелистывал свою записную книжку.

— Сегодня надо бы зайти к Юрию Б. Скоро месяц, как возвратился парень из спецпрофтехучилища, а ни слуху, ни духу о нем. Не стряслось бы чего-нибудь...

Дверь открыл сам Юрий. Нечесаный. Рубашка расстегнута. Увидев знакомых людей, вздрогнул, а на вопрос: «В гости-топустишь?» — недовольно проворчал: «Болен я, чего зря пристаешь?»

— По-моему, ошибаешься ты, Юра, — твердо сказал Брябрин, в упор смотря на подростка. — Не болен ты, а пьян. Где и с кем пил, признавайся.

— Да угостили тут мужики, — проворчал Юрка. — Друзья. Познакомились, ну и вып... пили немножко...

— Интересно... — Брябрин присел к столу. — Не работаешь нигде, дружок завел сомнительных, вот и выпивать уже стал. Что-то тут не так, Юра. Давай-ка начистоту. Кто поил? Откуда деньги?..

Долго пришлось Николаю Павловичу «располагать» к себе парня, пока тот наконец не сознался, что познакомился сегодня утром с двумя «добрыми» дядями. Те пригласили Юрку в кафе, там вместе с ним выпили, дали еще денег на вино и попутно попросили вроде бы о пустяке: припрятать дома кой-какое «барахлишко».

— На сколько намечена встреча? — спросила участковый инспектор Людмила Фирсова.

— Через час.

Когда сотрудники уголовного розыска прибыли на «свидание» и забрали двоих «добрых» дядей, те оказались опасными преступниками, совершившими в разных городах страны различные преступления.

О Юрке между тем не забывали. Парень и сам был напуган происшедшим. Поступил с помощью Брябрин на оружейный завод, стал осваивать профессию токаря.

— Из парня толк будет, — уверенно заключил начальник учебного цеха Сергей Максимович Минаев. — Правда, вспыльчивый очень, ершистый. Ну, да в нашем коллективе не один уже такой перековался. Поумнеет, я уверен, и Юрка, будет мастером своего дела. Ребятам есть с кого пример брать на заводе: с молодежью работают такие замечательные наставники, как Герой Социалистического Труда слесарь Геннадий Пушкин и лауреат премии Ленинского комсомола слесарь Владимир Горбатов. Воспитание молодого рабочего — дело хлопотное, но ответственное, и мы ежегодно выдаем постоянные пропуска на завод более ста подросткам с трудной судьбой. Это пополнение — очень, конечно, беспокойное — присылают нам Николай Павлович Брябрин и другие члены районной комиссии по делам несовершеннолетних.

Такая у них работа — трудная, благодарная и благодарная.

Поле детства в пене иван-чая,
в молодых побегах ячменя,
поле пело, мятой привечая,
розовою кашкою меня.
...Вспомнив сине сиреневого сада,
летних птиц неистовый хорал,
я в Алжире собирал маслята,
под Аделаидой мяту рвал.

Даже при волшебном удаленье
в космос или на краю земли
не прожить без соприкосновенья
с миром, где мы детство провели.

— Есть ли ощущение простора?
— Есть ли ощущение высоты?

Без них очутишься ты скоро
на грани вечной нищеты,
не той печальной, но условной,
когда нет хлеба на столе,
а той, позорной и духовной,
когда живешь как червь в земле.

Оттого на сердце нет заботы,
оттого моя душа светла,
что, верша ошибки и просчеты,
все-таки не сотворю я зла.

Не разыгрываю я святошу,
просто я на жизненном пути
на себя взвалил большую ношу,
думал лишь, как ношу донести...

Мать моя скончалась очень рано,
а могла бы жить еще да жить...
Та незаживающая рана
помогла мне душу обнажить.

И от той трагической потери,
боли ощутив горячий свет,
искренним я стал без всякой меры,
даже искренним себе во вред.

Кто оценит жизнь мою?
Из каких мужчин и женщин
Подойдет ко мне оценщик
И оценит жизнь мою?

Впрочем, надо ль оценивать?
Жизнь — она не невод рыбы...
Впрочем, пару слов сказать,
Может, вы о ней могли бы?

А каких же пару слов?
Покрасивше или посуше?
Только не были бы хуже
Тех, что слышал от врагов.

Ну, скажите:
«Жил да был...»
Это очень много значит.
Это не переиначат.
Ну, скажите:
«Жил да был...»

И по-царски жил, и жил несыто,
путь был и ликующ и суров,
главное, что прожил жизнь открыто,
жизнь не замыкал я на засов;
слово дам — умру, а не нарушу,
ибо в чести человека суть.
Каждый может заглянуть мне в душу,
только встань на цыпочки чуть-чуть.

Рисунок
Владимира
РОДИНА

Женщины, которые любили,
постарали, сникли и ушли...
В солнечной и золотистой были
лишь твой образ светится вдали.

Встреча наша редка, но желанна,
просто так к тебе не подойду...
Ты, как потаенная поляна,
чьи цветы вдыхаю раз в году.

Болгарии

Владимиру Голеву

Славянства слава и прама-терь,
так живо мой объемлет взор
твоих равнин зеленых скатерть
и складки вознесенных гор.

Нет, не из-за хвалы застольной,
не за наград манящий звон
я воспевал твой облик вольный
с почти мальчишеских времен.

Ну, разве, нежно мать лаская,
сын в ясности души своей
мечтает, чтобы мать родная
ему ссудила сто рублей?

Ну, разве дед под Плевной грозной,
хватая воздух ртом сухим,
мечтал, чтоб лавр венеценовский
торжественно гремел над ним?

Я пел, прося одну лишь милость,
не пряча от судьбы лицо,
чтоб наших уз нерасторжимость
вплетала и мое кольцо.

Пес подбитый, скворушка робкий
с опаленным где-то крылом
ковылял по рыжей тропке,
как два братца, ко мне вдвоем.

Это было на грани сказки,
когда я им возле крыльца
делал ловкие перевязки
и кормил щенка и скворца.

Почему, мне совсем чужие,
почему они вдруг решили,
что приду я на помощь им?
Мы ведь не в родстве и не в свойстве,
отчего ж душа в беспокойстве,
как склоняюсь к моим больным?

Люди верят, что мир венчают,
что умнее тварей стократ...
Ну, а твари нас различают
и не к каждому в дом спешат.

Переводя Евтима Евтимова
Сколько лет дружили, как дружили!
Позавидуют нам, славный друг!
Ничего, что порознь жизнь прожили,
сердце ощущало сердца стук.

Но теперь с тревогою великой
в первый раз за эти двадцать лет
я склонился над твоею книгой
как твой переводчик и поэт.

И впервые с небывалой силой,
как светёлка, распахнулся мне
образ твой, доверчивый и милый,
сердце, раскаленное в огне.

Как тебя любили, предавали,
возносили, били навзничь с ног.
Только я и в счастье и в печали
со своей судьбой сравнить бы мог.

И пытаюсь передать искусно
в ясных строках русского письма
южное сжигающее чувство,
и меня сводившее с ума.

Как важны мне успехи друзей,
чтобы справа и слева успехи,
чтобы книги их были, как вехи,
на глазах у республики всей.

Лежебокой не станешь лежать,
неторопо почесывать пятки
и себя несравненным считать
по своей безмятежной раскладке.

Честолюбие, конь вороной!
Я тебя спозаранку седлаю.
И уж сам я напрягся струной
и в работе не ваньку валяю.

И не в чей не вступаю я след,
я в телеге чужой не поеду,
возбужден я от братских побед
и свою настаю победу.

А коль было б в искусстве мертво,
не свистели б друзья оглашенно,
я б и сам не свершил ничего,
ковылял бы по ниве блаженно.

Жизнь не может склоняться к закату!
Несводимы ведь жизнь и закат.
Только молодо, только крылато,
только пламенно годы летят.

Жизнь на свете прекрасна не тем ли,
что, до крайнего мига светла,
вдруг ударила молнией в землю
и победно сквозь землю ушла?

Я своим у каждого народа
ощущал себя,
ибо братство для меня
не мода...

Сможешь жить, любя
чьи-то песни,
чьи-то письма,
быт
иной понять,
судьбу,
природу,
только если своему народу
отдал жизнь сполна.

Был товарищ, но я, прозревая,
понял вдруг: не товарищ он мне.
А мы шли от блокадного края,
наше детство пылало в огне.

Ах, как горько, как страшно прозренье,
ах, какой я тоской обуян,
общность мыслей и общность паренья
отрицаю, как фальшь и обман!

Понимаю с душевною болью,
за доверчивость каюсь стократ,—
наша близость сводилась к застолью,
где слова, как посуда, бренчат.

Но я знаю: счастливы потери,
если вспыхнет душа чистотой,
если пошлость, хотя б в некоей мере,
ощутишь вне судьбы за чертой.

Смогли ли златые мониста.
А златые ли? Я не скажу.
Ах, как осень заманчиво чиста...
Ясным отроком в осень вхожу.

Говорят иностранцы:
— Ленинград — удивительный город,
не сравнимо ни с чем
совершенство дворцов, площадей...

Говорят москвичи:
— Что за радость — свиданье с Невой!..

Я молчу,
я не выскажу чувств
в этом городе жизни моей.

Здесь прошел я дорогу
от хвалы до хулы;
от блокадной крови
и до первой любви;
здесь от горя ни с счастья,
сквозь славу и зло
брел
не с поводырем —
меня Время вело;
здесь не в заводи затхлой,
не в мещанской тиши
постигал величавость я
русской души;
здесь за все испытанья свои
наконец
дружбы чистой и верной
я принял венец.

Этот город не город,
а сердце мое.
Этот город не город,
а мой талисман.
Этот город не город,
а песня моя.

Расставайтесь сразу, разлюбив.
Расставайтесь сразу.
Коль померкнут радость и порыв,
не целый ни разу.

Выход не найдете, видит бог!
Чувство утихает.
Обожженный инеем цветок
просто увядает.

«Совместными усилиями партийных, профсоюзных, комсомольских, хозяйственных организаций необходимо создать во всех трудовых коллективах атмосферу творческой и дружной работы, в которой каждый трудящийся мог бы полнее проявить свои способности, чувствовал высокую ответственность за результаты как своего труда, так и труда коллектива».

Из постановления ноябрьского (1978 года) Пленума ЦК КПСС.

Пригородный электропоезд «Новокузнецк — Гидрошахта» отошел от вокзала, как обычно, полупустой. Павел Глазырин перешел из вагона в вагон, пока не увидел знакомых. Пожал руки, прибавил к газетным сверткам на полке свою «забутовку» — так кузбасские шахтеры называют еду в перерыве между работами.

— Ну чего, Паша? С тебя вроде причитается.

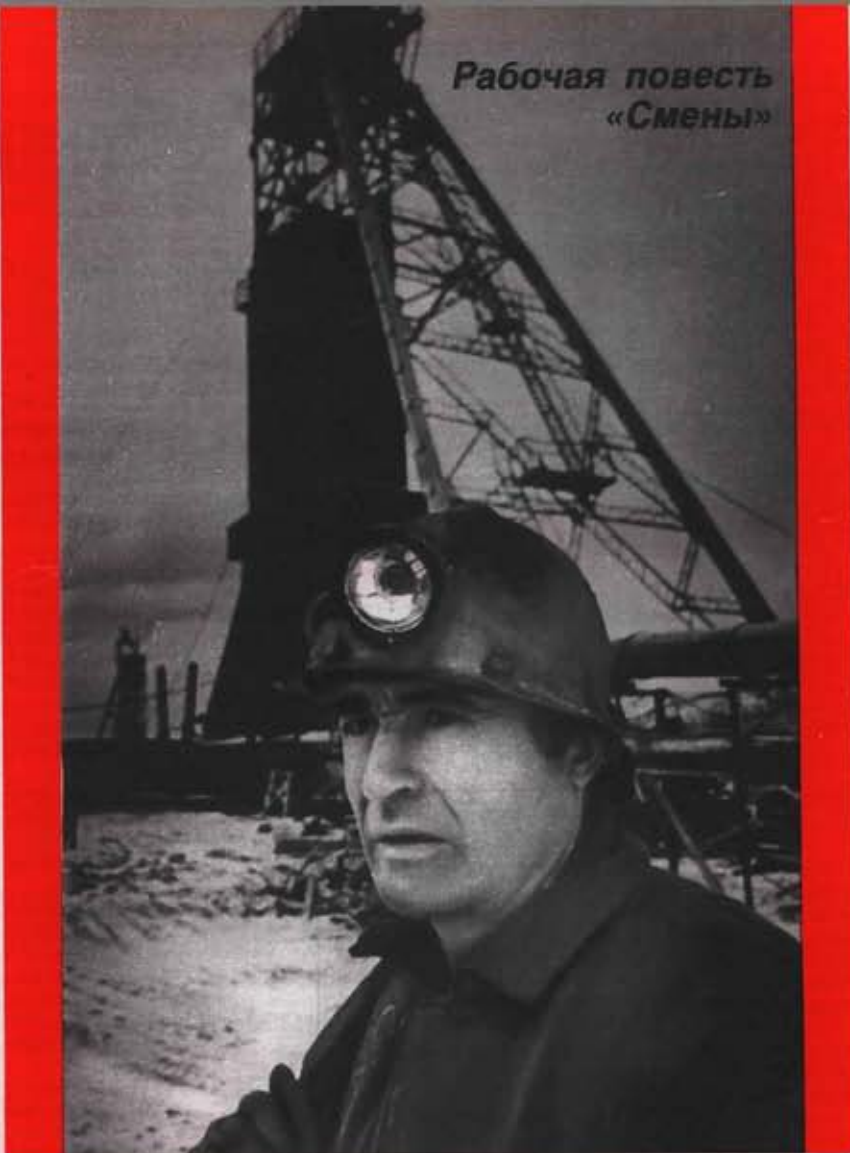
— Да он его, орден, уж когда получил? Скоро второй отхватит. Точно, Паша?

— Не в ордене дело. Миллионером скоро будет. Слышь, верно, что тебя к Мусохранову в новую бригаду кидают?

Бесхитростное, со вздернутым слегка носом лицо Павла сникло. Он недовольно пошевелил губами, достал сигарету и вышел в тамбур. Следом направилась остальная. Всех заинтересовали подробности происшедших на шахте событий.

Чем два года назад славилась в Кузбассе «Юбилейная»? Добычей и тран-

Владимир ФРАНЮК

Рабочая повесть
«Смены»

первых, ее ядро образовали двадцать шесть асов-смирновцев. А уж к ним набрали около сотни горнорабочих. Вторых, те же прославленные смирновцы взяли над новичками шефство, официально скрепленное договором коллективного наставничества. В-третьих, Мусохранов дополнительно дали более совершенные комбайны с дистанционным управлением.

И, все же причин для отставания с выполнением плана хватало. Сказывалась разношерстность собранных людей. Но в основе неудач таилось другое, чего, кажется, никто не предусмотрел. Оттого и пошло все с самого начала кувырком.

Наряды перед сменами на десятом участке проходили бурно. При распределении экипажей по забоям то и дело возникали споры.

— Глазырин с Тресиним едут до сбойки, потом наращиваются, — давал задание экипажу комбайна начальник участка.

— А крепить кровлю кто будет, папа римский? — перебил машинист. — Мудрецы нашлись. Я не крепильщик, мое дело добывать уголь!

— Паша-Паша, — сказал Мусохранов.

— Чего Паша! Ты бригадир или?.. Вспомни, чего обещал людям. И перевыполнение и заработки! Где все?

— Знаешь не хуже меня. На углубку пошли, давление усилилось. Без крепи не обойтись. Так что придется и уголь давать и кровлей заниматься.

— Ничего себе! Выходит, условия с шестым участком разные, а миллион на равных и они и мы дай. Ну, действитель!

— У нас больше народа, чем у Смирнова. Шансы одинаковые.

— Да проку с того народа, Женя! Вот Галиев здесь, комсорг. Скажи, Мансур, разве такая должна быть комсомоль-

Фото Юрия УСТИНОВА

ГИДРОШАХТА

спортивной уголь с помощью воды? Не только. Бригадой «миллионщицей» Геннадия Смирнова. Первой в стране очистной бригадой, выдавшей на-гора за год больше миллиона тонн угля.

Это уже после на «сухих» шахтах достигли миллионного уровня известные бригады Чиха, Мурзенко и других, а первыми были они, смирновцы.

Неполные пять десятков человек, по существу, выполняли план приличной шахты. Поэтому и числились люди на особом положении. Говорят, устроиться в бригаду Смирнова — все равно что избраться действительным членом Академии наук.

Преувеличение небольшое. Бригадир — Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР. Квалификация каждого рабочего — профессиональное совершенство. Зароботная плата любого чуть ли не вровень с окладом академика.

Так вот, машинист угольного комбайна Павел Глазырин был из той бригады и теперь покидал ее. Курившие в тамбуре все допытывались у Паши, на сколько времени его отлучают от Смирнова.

— А ни на сколько, — сердито ответил Глазырин. — Сам перехожу.

Он вернулся в вагон, подсел к окну. На остановках заметно прибавлялось народа. Новокузнецк — город промышленных поселков, многое вокруг связано с историей освоения Кузбасса.

Скажем, железнодорожную ветку, по которой шел пригородный электропоезд, проложили в начале строительства Западно-Сибирского металлургического завода — знаменитого теперь Запсиба.

С той поры минуло почти двадцать лет, и ничто уже в округе не напоминало о палатках, бараках тысяч строителей-добровольцев. Сейчас под Записибом вы-

рос целый город-филиал. Остановка называется «Сад металлургов».

После нее в электричке становилось тесновато. Народ ехал главным образом заводской, но входившие шахтеры неизменно собирались вместе.

— Слыхал, бригаду сколачивают. Комсомольско-молодежную. Мусохранова вроде на нее ставят.

— Ставят! Тебя или меня не поставили. Сам в хомут полез твой Мусохранов. Посмотрим, чем ихняя кутерьма кончится.

— А что смотреть! И пойдут ребята. Хватит им на подхвате бегать.

Залсиб приближался, обветренный сизым маревом. Рыжеватый оттенок особенно сгущался над домами. Для нужного там кокса и качала уголь «Юбилейная».

Павел смотрел через запорошенное темной пылью стекло и думал, что еще не поздно все переиграть. Можно было честно сказать Мусохранову: «Женя, я должен остаться у Смирнова. Понимаешь, семья...»

И сразу мысль: а у Мусохранова, значит, не семья? И уходил Женя от того же Смирнова. Со звеньевого. Ради чего?

Совсем рассвело. После остановки «Космическая», где из вагонов выходили последние заводчане, в электричке оставались только едущие до гидрошахты.

За окнами появились сопки. Чем дальше, тем выше. Поросшие редкими деревьями, застывшие в диковитой сибирской красоте. Ничто больше не напоминало индустриального пейзажа Запсиба.

— Случайно, не по ним транспортируется уголь? — спросил паренек, кивая на ряды труб вдоль железнодорожного пути.

— Случайно, по ним, — неохотно ответил Павел.

— Грандиозно! Ни терриконов, ни составов с углем.

Глазырин осмотрел парня. На рабочем не похож, для специалиста молод.

— Студент, что ли?

— Пока нет. Оформлюсь на шахту и подам документы в вечерний.

— На ша-ахту! Ты смотри.

— Не боги горшки обжигают, правда ведь? Кстати, давайте познакомимся. Вячеслав. Можно просто Славик.

Глазырин посмотрел на лучезарную физиономию Славика, на протянутую руку. Недоуменно пожал ее.

— Чудило.

— А вы, случайно, не из комсомольско-молодежной бригады?

— Ну, допустим. — Глазырин вздохнул.

— Серьезно? Я комсомолец, имею второй разряд по гимнастике. Как вы думаете, примут в бригаду?

— Отмолотишь года два доставщиком, выучишься на гроза...

— На гроза?

— На горнорабочего очистного забоя, гроза сокращенно.

— Согласен.

Глазырин, вставая, качнул головой.

— Ка-адр.

Двери электрички зашипели пневматикой. Конечная. В окружении сопки несколько зданий да башня шахтного копра с не выключенной после ночи красной звездой.

За первый месяц существования комсомольско-молодежной бригады вместо 70 дала 53 тысячи тонн угля. При всех-то созданных для нее условиях.

По расчетам руководства, успех новой бригады должны были обеспечить тщательно продуманные меры. Во-

ско-молодежная? Кто собрался-то? Юнцы неразумные. Языком привыкли болтать... Милльон выдадим! За миллион уродоваться надо, а не спать в заходке!

На остальных участках давно заканчивали распределять задания, а десятый шумел, торговался. Прежде чем направиться в раздевалку, сворачивали доспорить в курилку.

Мусохранов потемнел лицом от такой жизни. Скуластый, с черными широкими бровями, выбритый до синевы щек, он по характеру не отличался особой разговорчивостью, а тут вовсе замкнулся.

Молодежи его тридцативосьмилетний возраст, большой подземный стаж, ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, знаки «Шахтерская слава» трех степеней внушали известную почтительность, заставляли уважительно величать Евгением Сергеевичем. Но на стоящую цену ему знали лишь те, с кем Мусохранов доводилось работать раньше.

Соглашаясь на бригадирство, он рассчитывал найти в товарищах опору. Профессиональное мастерство Глазырина, Громикова, Рудакова, Лебедева, Золотовецкого да и других представлялось решающим для трудового соперничества с бригадой Смирнова, но не так-то просто складывалось все на десятом участке.

Планируя результативность комсомольско-молодежной бригады, специалисты упустили из вида одно немаловажное обстоятельство. Выделенные ей для разработки пласты находились гораздо ниже уровня, где на шахте добывался уголь, и образовывали так называемый второй горизонт.

До тех пор нарезки штреков, к примеру, в бригаде Смирнова велась без

Лауреаты
премии
Ленинского
комсомола

ПРОДО

ИННА ЧУРИКОВА, ЗАСЛУЖЕННАЯ АРТИСТКА РСФСР.

Фото Николая ГНИСЮКА

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут цветы, не ведая стыда.
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.*

Помню—уже лет семь назад,—ленинградский кинодраматург Юрий Клепиков написал для «Советской культуры» об Инне Чуриковой: дело в том, что он сам тогда снялся вместе с ней в роли Режиссера в фильме «Начало».

И вот среди трех плотных страничек текста, которые он прислал, были эти строчки Анны Ахматовой. Они звучали так, что было непонятно, к какому именно таланту относятся—к таланту художницы Тани Теткиной из фильма «В огне брода нет», к таланту ли актрисы Паши Строгановой из «Начала» или, наконец, к таланту самой Инны Чуриковой. Ведь и он возрос на множестве мелких, смешных, эпизодических ролей, что тоже можно при желании посчитать «сором».

Ахматовские строчки мне очень нравились. Но я вертела их в голове и так и этак, как горячую картошку в руках,—мне казалось, что они все-таки как-то задевают актрису...

С тех пор прошли годы, и я все-таки привожу эти строчки: талант нельзя оскорбить, он действительно растет на самой земной, житейской почве. И, как мне кажется, очень верно строчки Ахматовой выражают суть того, что делает на экране Инна Чурикова: ее героини действительно растут из «сора», из самой что ни на есть повседневности—и Тани Теткина, и Паша, и Елизавета Уварова, и, если хотите, даже Любовь Яровая, в которой актриса подчеркивает простоту, даже простонародность, что-то от народоделки, резкой и грубой.

Но вот тогда же, то есть лет семь назад, и мне захотелось встретиться с Чуриковой, чтобы попытаться узнать, из какого же все-таки «сора» возросло ее дарование. Ведь она немало снималась и до фильмов Глеба Панфилова. Таким ли уж высоким барьером отделены те ее роли в фильмах «Тридцать

три», «Старшая сестра» и других от Тани Теткиной и Паши Строгановой?..

Таким. Безусловно. Об этом пишут сейчас решительно все. Родилась актриса. То есть она была—и все же она родилась. Мы ее знали—и не знали. Она играла—и как будто не играла. Сплошные парадоксы. Одним словом, ее «открыли».

Поговорив тогда с актрисой, я была немало удивлена, убедившись, что все бывшее до «Брода» она сама не только зачеркивает, но, пожалуй, даже ненавидит. С таким ожесточением говорила она о прежних своих ролях. По ее словам, те роли мешали ей прорваться к Тане Теткиной, к Паше Строгановой и Жанне д'Арк, наконец.

И только теперь, когда она в своем творчестве воздвигла такой прекрасный и несокрушимый бастион из этих трех ролей, только теперь она, наконец, навсегда отгородилась от прошлого. От прошлого Инны Чуриковой—актрисы на смешные роли.

Любопытно рассказывала она о восприятии ее работы зрителем. Говорила о том, что картина «В огне брода нет» многих оттолкнула от себя и что она даже склонна этих многих понять: человека естественно тянет к красивому. И что вторая картина, «Начало», в чем-то примирила ее со зрителем. А если не до конца? Что ж, надо делать третью картину. Понимать искусство учит только искусство.

Мне тогда же пришлось поговорить с некоторыми людьми, которые знали Чурикову еще по тому, допанфиловскому периоду. И вот что рассказал режиссер Георгий Натансон, снимавший фильм «Старшая сестра»:

— Да что там говорить! Все мы были заворочены удивительной и полной поглощенностью ролью, такой крошечной по объему и занимавшей так мало места в фильме. Сразу стало ясно, что эту актрису нельзя снимать привычными кинематографическими короткими «кусками», что ее нужно снимать только на одном дыхании, одной сценой, иначе

можно расплескать вот эту поразительную актерскую цельность. Так мы и снимали.

Никогда не забуду, как в сцене в общепитии она ела курицу. Просто ела курицу—и смотрела своими огромными глазами на Надю—Татьяну Доронино.

Репетировали мы с ней минимально. Репетировать, обговаривать, готовиться—все это было как-то лишне и даже, пожалуй, вредно. Единственное, что ей было нужно,—это абсолютная тишина. И тогда она играла так, что мы все порой забывали, находимся ли мы в павильоне, снимаем ли кино. Казалось, мы в театре, и мы зрители, и смотрим на сцену.

— Ну как же,—вспоминает актер Евгений Леонов.—Она занималась у нас, в драматической студии при Театре имени Станиславского. Потом как-то след ее потерялся—так часто бывает в нашей актерской среде. Кажется, она играла в ТЮЗе. А в работе мы с ней встретились на картине «Тридцать три». Актерам здесь было нелегко: требовалось играть и гротеск, и эксцентрику, и почти фантастику, а за ними—вполне реальное жизненное содержание: то есть соединить почти несоединимое. И вот тут, в нашей общей совместной работе, я понял, что у этой актрисы есть одна особая черта—за формой она всегда видит суть. Понимаете, за формой, самой неожиданной, самой эксцентрической или гротесковой, называйте, как хотите, видит жизнь. Драму. То, чем живет человек, одним словом.

Вы спрашиваете, удивила ли она меня в фильме «В огне брода нет»? Да, удивила. Но не талантливостью—о том, что она талантлива, я знал. Удивила другим. Как бы это сказать? В жизни Инна симпатичная, милая, обаятельная. В фильме она угловатая, угрюмоватая, какая-то резкая по всему внешнему облику. Я понимаю, что она стремится идти от этой непривычности внешнего облика, его жесткости к мягкости и щедрости души. Но на такой рискованный путь не всякая актриса отважится...

ЛЖЕНИЕ «НАЧАЛА»

Я долго не могла понять, почему мне тогда все время хотелось здесь, именно в этом пункте, в отношении к прежним ее работам спорить с актрисой. Почему хотелось ей самой доказать, что она была раньше и что никакой актер не может обрести свою одну-единственную тему, не попробовав себя таким, другим, третьим, не ощутив в себе человеческого и творческого разнообразия.

Я могла понять, когда такое резкое «рассечение» актера на две половины производят другие, не видя связи этих половин, более того, враждебно противопоставляя их друг другу. Но если такое делает сам актер? Почему?..

Неожиданно мы заговорили о Жанне д'Арк.

Ну, а если бы Паше Строгановой не предложили сыграть Жанну д'Арк, как бы она открыла себе и всем себя? Как бы тогда она доказала незаурядность свою, человеческую талантливость? И не слишком ли Жанна — сильное доказательство для Паши Строгановой?

Я не буду дословно пересказывать того, о чем и как мы спорили с актрисой. То мы говорили о девочках — простеньких и непритязательных, которые со школьной скамьи ушли в войну и обрели бессмертие. («И вот Паша могла бы так»). То мы говорили о том, что мужество ведь необходимо и в самой неповседневнейшей повседневности. Чтобы сказать человеку, который рядом, все, что ты о нем думаешь. Чтобы уйти от любимого человека, если стало ясно, что он слаб душой и предаст и себя и тебя. Чтобы иметь силу отвернуться от друзей, если ты понял, что они не друзья. Чтобы быть честным перед самим собой и перед всеми.

Да, надо иметь великое мужество обрести себя в жизни, вырваться из того, что не твое, что сковывает тебя по рукам и ногам, и смело идти по обретенному пути, каким бы трудным, каким бы тяжелым он ни был.

И чем больше мы говорили, и спорили, и не соглашались, тем больше я понимала, что в лице Инны Чуриковой передо мной редкий представитель человеческой породы — именно человеческой, а не только творческой. И я не знаю, как это назвать. Но, пожалуй, можно было бы применить слово «максимализм».

И вот когда я это поняла, то все стало для меня проясняться. И отношение Чуриковой к своим прежним ролям, и ее отношение к ролям нынешним, и откровенное нежелание говорить об этих нынешних ролях («Все сказано на экране, а словами ничего не объяснишь, да и не надо объяснять»).

Отлично помню свое первое и самое, пожалуй, сильное ощущение после просмотра «В огне брода нет». Это была... растерянность. То есть я все чувствовала: и неожиданность фильма, его социальной и философской концепции, и его эмоциональную агрессивность, и яростный натиск талантливости всех, кто его сделал. Может быть, от этого натиска и была растерянность?

Прошло два года. Появился фильм «Начало». И снова я вышла из зала с определенным чувством смятенности. И снова стала пытаться «раскрутить» это чувство. И случилось совсем странное — теперь, уже задним числом, резкий натиск ленты «В огне брода нет» казался оправданным и временем, и историей, и определенностью социального и временного типа. Здесь же, в «Начале», сочленение Паши и Жанны виделось лишь изысканнейшим, тончайшим и сложнейшим кинематографическим приемом.

А главное, думалось: почему работы талантливой актрисы так странно воспринимаются? Каждое ее достижение осознается многими только спустя годы. Годы, как любят писать журналисты, для актрисы кино «необратимые». Лично мне виделась эта проблема как чисто творческая, уходящая всем своим существом в особую природу дарования Чуриковой. Мне виделась проблема и теоретическая, когда мы порой так произвольно делим путь актера на удачу и неудачу, на открытия и провалы, когда не умеем или не хотим увидеть тенденцию, не умеем быть к актеру бережными и готовы «разнести его в пух и прах» за первую попавшуюся плохую роль.

...С тех пор прошло несколько лет. Споры вокруг Инны Чуриковой и фильмов Глеба Панфилова — хотела сказать, затихли. Но нет, вот и о

последнем их фильме, «Прошу слова», опять ведь спорили. Но спорили уже по-другому. Явление Чуриковой, если хотите, «феномен Чуриковой» уже в общем-то вошел в повседневность искусства. По правде сказать, это само по себе уже достаточно любопытное явление — каким образом то, что еще вчера казалось нам таким непривычным, почти неудобоваримым, вдруг становится повседневным, а назавтра — уже чуть ли не классикой. А разве мы уже не можем так именно говорить сегодня о фильмах «В огне брода нет» и «Начало»?

Нет, здесь нужны не только годы и не только время. Здесь нужна еще и очень большая работа самого искусства по формированию, по воспитанию умов. Сделать зрительское восприятие более гибким, более сложным, многослойным — вот в чем эта работа. Да, героини Чуриковой нетипичны, они скорее единственны, уникальны. Много ли найдешь таких Теткиных и Строгановых? Да, они рождаются в самой гуще реальной жизни, но рождаются редко, очень редко. Чтобы понять эту мысль, сравните этих героинь хотя бы с девочками нашего кино тридцатых — сороковых годов, теми, кого играли Серова, Смирнова, Федорова, Целиковская. Те были обычные, как все, и в этом тогда было завоевание нашего кинематографа. Эти необычные, непохожие, и сегодня в этом открытии. Хотя все мы понимаем, без тех девочек в красных косыночках не было бы этих: искусство движется своими сложными путями, осваивая разные пласты жизни, по-разному откликаясь на запросы времени.

В своем последнем кинофильме, «Прошу слова», Чурикова как бы прикасается к привычному пласту жизни — вот если бы та девочка тридцатых — сороковых пережила войну и выросла, то она стала бы Елизаветой Уваровой, председателем горисполкома, или, как сейчас принято говорить, мэром.

Чурикова обращается к обычной для наших дней биографии — фабричная работница, спортсменка, общественница, наконец, депутат, наконец, председатель горсовета. Не потому ли — в знак воспоминания о нашем кино сороковых годов — и сцены воспоминания о фабричной молодости сделаны, пожалуй, именно в манере того кино? Даже под песни Леонида Утесова, которые здесь звучат несколько ностальгически, когда молодая Лиза Уварова в футболке гуляет в камышах со своим будущим мужем, стреляет в тире на соревнованиях, выходит из роддома с первенцем на руках? Думала ли она, что эта речка, где она бездумно и счастливо колобродила, станет предметом ее неуспешных горсоветовских забот? Мост-то ведь просто необходимо перекинуть на противоположный берег, чтобы освоить новые микрорайоны? Думала ли, что и их первенец так трагически, так нелепо погибнет, убитый выстрелом из ее именного оружия — оружия ворошиловского стрелка? Думала ли, что столько высокого и трудного будет ее ожидать в будущей жизни, которая начиналась так бездумно и легко?

«Ворошиловский стрелок» — эти слова пройдут через весь фильм своеобразным рефреном. «Ты — ворошиловский стрелок, была, есть и будешь», — говорит ей муж, Сергей Уваров. Ну что ж, ей приходится иногда принимать мгновенные и очень серьезные решения, как, скажем, с тем домом, который дал трещину и в котором сейчас, ничего не подозревая, празднуют свадьбу, а ее нельзя нарушить. Как и вообще покоя людей, живущих в нем.

Да, ее может напавал сразить пуля, посланная в Сальвадора Альенде, — для нее нет и не может быть просто отвлеченных новостей в бушующем вокруг огромном мире.

И она может вдруг схватить половую тряпку и начать яростно мыть полы в доме, когда никак не решается ее заветный вопрос о заветном мосте.

Да, она ворошиловский стрелок, была, есть и будет. Это значит, что жизненное кредо ее ясно и определено «по гроб жизни», — Чурикова этого не скрывает. Как не скрывает своего понимания, что кто-то может осудить ее героиню за то, что пришла на работу сразу же на другое утро после похорон сына. Не скрывает и ее прямолинейности, быть может, даже негибкости, в разговоре с местным драматургом (Василий Шукшин). Да, вот она такая, но ведь иной она и быть не может...

Прямолинейность, прямота... Но простота ли? И можно ли назвать ее Уварову простой, как бы ни была заурядна ее биография? Нет, конечно, нет. В чем-то и не стоит, пожалуй, бояться здесь этого сравнения, ее Уварова — это «Член правительства» на новом витке времени. Будем говорить не столько о фильмах, сколько об образе. О типе. Но ведь время-то не стояло на месте, оно катилось «весомо и зримо», грохотало железной лавиной: Уварова просто не могла быть такой, как Александра Соколова, хотя, по сути, это одна и та же героиня, только повзрослевшая ровно на тридцать лет жизни страны.

...Недавно мы увидели Чурикову еще в одной роли — Любви Яровой. О телефильме уже тоже и писали и говорили. Понятен поиск актрисой нестандартных решений, какого-то нового подхода к одной из самых «сценических» по традиции ролей советской классики. Не во всем этот поиск удался, но ощущается его направленность, тенденция. Актриса ищет и в чисто внешнем плане — ее Яровая так разительно непохожа на ту, какой сыграла ее великая Вера Пашенная. Хорошо это или плохо? На этот вопрос не ответишь однозначно. Глядя на Чурикову, ощущаешь трудную, не очень обеспеченную юность, борьбу, тягу к знанию, сопряженную с повседневной заботой о куске хлеба, о самом насущном — об одежде, о пристанище, об очаге — быть может, нам придет на ум «Курсистка» Ярошенко. Чурикова стремится снять хрестоматийный глянец традиций со своей героини, вернуть ее к повседневности, к земле, к простым заботам. Она вся не в пламенно-красных, но в серо-черных, почти черноземных тонах. Помните, Панова бросает ей: «Учительница... А вы сами-то много учились?» «Очень мало, к сожалению», — отвечает Яровая.

И ее работа в революции — это тоже черный хлеб: не подвиг, но ежедневная трудная, кропотливая работа подполья.

Пожалуй, меньше занимает актрису ее личная драма, для многих исполнительниц становившаяся центральной. Чурикова хочет говорить о другом — о судьбе женщины, естественно пришедшей под знамена новой жизни...

В связи с этой последней работой в очерке об актрисе кино Инне Чуриковой хотелось бы немного сказать об актрисе театра Инне Чуриковой.

Она играет в Театре имени Ленинского комсомола, и москвичи могли видеть ее в таких разных ролях, как Неле («Тиль»), Сарра («Иванов»), Офелия («Гамлет»).

В «Иванове» она вновь встретила со своим давним партнером по картине «Тридцать три» Евгением Леоновым. Но как любопытно, что встретились как будто те же актеры — и словно совсем другие! Леонов, живущий на сцене мучительной, тяжелой жизнью своего разломанного, внутренне разграбленного героя, пытающегося собрать осколки былых надежд и упований. И Чурикова в роли Сарры, явившая нам истинно трагический талант высокого наполнения. На сцене он не «стреножен» ни путями бытового правдоподобия, ни тем, что иногда прихотливо именуется «современным стилем актерской игры», — ничем. Чурикова играет в полный накал страсти, она не боится ни патетики, ни сильнейшего, почти невыносимого драматического напряжения. Особенно в финале спектакля, там, где Иванов в порыве отчаяния и бессилия кричит ей, что она больна безнадежно, что она почти мертва. Каким страшным криком взрывается долгие, почти на протяжении всего спектакля молчание Сарры!..

На сцене Чурикова прекрасна какой-то почти потусторонней красотой. Здесь словно отдельно живут, горят, умоляют или проклинают, ее удивительные глаза, которые кто-то однажды назвал «очами». И есть во всем ее облике что-то от русских актрис начала века, тех, что навсегда запечатлены для нас на пожелтевших фотографиях с виньетками или величественных портретах в тяжелых золоченых рамах...

Ее Паша Строганова мечтала стать актрисой, но только один раз искусство пересекло ее жизненный путь.

Инна Чурикова пришла в искусство не по ковровой дорожке парадного хода, и не сразу открылись ей его сверкающие дали. Но зато она пришла сюда надолго, навсегда.

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Послание звездам

В США запущены две космические станции по маршруту: Юпитер, Сатурн, Уран и далее — к звездам. На этих станциях в запечатанных алюминиевых кожухах помещены медные диски диаметром в 304 миллиметра. Это послание внеземным цивилизациям: граммофонные пластинки, на которых записаны различные звуки и шумы Земли.

Путь из Солнечной системы до первой звезды займет 44 тысячи лет; мимо второй звезды станции пройдут через 147 тысяч, мимо третьей — через 525 тысяч лет. Предполагают, что благодаря защитному кожуху и вакууму межзвездного пространства пластинки сохранятся в течение более миллиарда лет, естественно, если не считаться с вероятностью столкновения с небесным телом или попадания в зону его притяжения.

Соединив небольшой диск, головку и иглу, которые находятся в комплексе с пластиной, инопланетяне в течение 110 минут получат некоторое представление о планете

Земля XX века. Если иметь в своем распоряжении телевизионный приемник и соединить его с диском для воспроизведения записанных на нем видеосигналов, то на экране можно будет увидеть: мать, кормящую ребенка, лакомящуюся мороженым девушку, анатомическую схему человека, супермаркет, машину для сбора винограда, африканскую женщину, закат солнца, а также виды гор, современных городов и автострад.

На граммофонных пластинках записаны приветствия на 60 языках. Также записаны: звук шагов, биение сердца, стук кузнечного молота, стрекот кузнечика, морзника, сирена электрички, поцелуй и плач младенца, а также звуки, издаваемые китами, вулканами, дождем, морским прибоем. Пластинки, кроме этого, «несут» в себе 115 фотографий различных районов нашей планеты и 27 фрагментов из музыкальных произведений.

«НАУКА И ТЕХНИКА», НРБ

Ограбление по-японски

Броневик токийского банка был уже в шестистах метрах от своей цели — ворот концерна «Тошиба электрик», когда дорогу преградил полицейский на служебном мотоцикле. Водителю было приказано остановиться, и он послушно подъехал к краю тротуара. «В квартире директора нашего отделения банка взорвалась бомба. У нас веские основания полагать, что динамитный свирд скрыт в вашей машине», — заявил блюститель порядка.

Водитель и охрана покинули броневик, а полицейский в это время простучивал стенки. «Я забирал машину в полицейский участок», — сообщил он, — а вы кратчайшей дорогой возвращайтесь в свой банк». Это была последняя возможность для охраны бросить взгляд на мешки с деньгами, сумма которых составляла 300 миллионов йен. Час спустя броневик был найден брошенным на проселочной дороге, естественно, без денег. Не было, конечно, и живого полицейского. После него остался только

мотоцикл, обрывок газеты «Санкей» под сиденьем и печатные отпечатки пальцев на дверях броневика.

Это сообщение из Японии не первой свежести — вышеописанное фантастическое ограбление произошло в 1968 году, но нишу о нем до сих пор. Бессилье следственных полицейских властей стало притчей во языцех.

Если японская (а вместе с ней и западная) пресса снова вернулась к этому случаю, то, в частности, потому, что миновал срок давности преступления. Теперь уже грабители (если он вдруг объявятся) нельзя будет привлечь к суду. Но преступник не спешит вылезать на свет. Хотя уголовная ответственность ему уже не угрожает, но только в 1988 году пройдет 20-летний срок гражданской ответственности, то есть обязанности вернуть награбленные деньги.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

ФРЭНК ПРОТИВ БАСТУЮЩИХ

Недалеко от угольных шахт американского концерна Блю-Даймонд в Стыресе (штат Кентукки) раздались пять выстрелов. Все они попали в цель и были смертельными: профсоюзный лидер Мак Льюис, который как раз распределял пакеты против штрейкбрехеров, упал на землю замертво.

В этом угледобывающем районе уже несколько месяцев бастовали свыше 160 тысяч шахтеров. Они добивались увеличения зарплаты и человеческого условия труда. Бастующие шахтеры на уступали самому жестокому давлению боссов концерна, полиции и штрейкбрехеров. Когда «обычное давление» не помогло, боссы концерна Блю-Даймонд наняли пятнадцать профессиональных громил для устрашения бастующих. Их главарь Франк с гордостью заявил журналистам, что у него «достаточно опыта в этом деле», ведь он ветеран корейской и вьетнамской войн...

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

НОВОЕ НА ЭСТРАДЕ

Попугай Фифи снискал себе немалую славу своими выступлениями во многих городах Америки, Европы, Азии. Ему аплодировали миллионы зрителей. Что, собственно, умеет этот попугай? Не так уж мало: декламирует, поет, превосходно имитирует знаменитых артистов, исполняет отрывки из «Гамлета» и даже выполняет упражнения на снарядах как цирковой артист. Обучила птицу всему этому ее хозяйка американка югославского происхождения Лериз Марич. «Гениальный» попугай находится под непрерывным наблюдением врачей-ветеринаров, которые составляют для него даже специальное меню. Следует добавить, что Фифи застрахован на сумму в 200 тысяч долларов.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

ПОДЛОДКА- СКАФАНДР

«Оса» — так назвали английские инженеры созданную ими миниатюрную подводную лодку, в которой объединены качества подлодки и водолазного скафандра. В мини-подлодке помещается всего один человек, предназначенная она для осмотра и ремонта подводных сооружений на глубине до 600 метров. Для работы оператора предусмотрены механические манипуляторы. Скафандр-подлодка приводится в движение двумя винтами, они же служат и рулем, с помощью которого оператор может занять любую позицию, удобную для работы.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

СУДЬБА ВУНДЕРКИНДА ИЗ ИТАЛИИ

В два года он читал и писал, в четыре стал заниматься в школе, в десять неофициально закончил учебную программу средней школы, злобно овладев французским и английским языками. Сегодня 15-летний Марко Стафорини, родившийся в семье учителей и живущий в городке Вегера (Италия), хочет сдать экзамен на аттестат зрелости, но...

Бюрократические порядки Италии не позволяют подростку таких экспериментов, хотя, по признанию специалистов, уровень его подготовки более чем достаточен. По видимому, они боятся, что Марко, как и тысячи других вундеркиндов, разваляется чрезмерно быстрыми темпами, лишь увеличит ряды безработных в стране.

«Мне не хочется терять времени, надо изучать точные науки», — грустит Марко. Ему и недоем мотивы дядей из министерства просвещения. Он разработал множество научных тем, в том числе и по древнегреческому языку, намереваясь опубликовать их в газетах и журналах. Заканчивает штудировать университетскую программу по своему любимому предмету — ядерной физике.

«Не могу ждать своего совершеннолетия, чтобы поступить в университет, — говорит Стафорини. — Нужно, значит, эмигрировать».

«ПУЭВЛО», США

Человек асимметричен

Каждому из нас приходится заглядывать в зеркало, но знаем ли мы свое лицо? Знаем ли о том, например, что лицо наше образцом симметрии отнюдь не является? В том, что обе половины человеческого лица не совсем одинаковы, убедиться нетрудно, причина же лежит в асимметричном строении головы.

У большинства людей левая половина черепа больше правой. Правая скула несколько больше выдвинута вперед и более широка, чем левая, так же, как и правая сторона подбородка.

Уже на шестом месяце развития плода природа «дает крен» в правую сторону — правая половина тела делается тяжелее на пять процентов (в основном за счет печени). У трех из четырех людей правая рука не только сильнее, но и длиннее левой. Несоразмерны и по-

ги — сильнее обычно бывает правая нога. Именно поэтому человек, пущенный по ровной местности с завязанными глазами, через некоторое время начинает загибать влево.

А почему большинство людей предпочитает пользоваться правой рукой, точно неизвестно. Существует десятка два теорий. Установлено только, что число левой в ходе истории человечества неуклонно уменьшается. Судя по найденным орудиям, в каменном веке левой рукой предпочитал пользоваться каждый второй человек, в бронзовом же веке — каждый четвертый. Возможно, что это связано с более высоким развитием человеческого мозга, особенно его левой части, которая, как известно, «дирижирует» правой половиной тела.

«СЪЯНС Э АВЕНИР», ФРАНЦИЯ

ТУРИЗМ И ПРИЗРАКИ

Группы служащих управления туризма графства Уотерфорд в юго-восточной Ирландии провели опрос среди населения, стремясь разузнать подробности о всех призраках, которые «обитают» в заброшенных замках этой части острова. Опрос представлял вторую часть исследования, предпринятого упомянутым управлением. Первая часть имела целью выявить дома, кладбища и развалины, «посещаемые» по ночам призраками исторических личностей, таких, например, как королева Елизавета или Мария Стюарт. Для этого всем жителям графства Уотерфорд были разосланы формуляры с просьбой записать все, что знают они об «исторических призраках». Эти формуляры вызвали веселый смех. Тем не менее управление получило достаточно сведений относительно привидений. На основании их была составлена карта призраков, которую начали предлагать туристам — любителям острых ощущений. Необычная реклама вызвала резкое увеличение заявок на экскурсии, управление организовало даже специальные маршруты по местам «с призраками», которые

оказались особенно прибыльными. А как только число легковерных и простодушных туристов стало уменьшаться, организаторы туризма в графстве решили выявить новые привидения, способные возродить предприятие.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

«ПРОФЕССИЯ» — ПОДОПЫТНОЕ ЖИВОТНОЕ

Тэрри Холман — 31-летний экономист, человек атлетического телосложения, кареглазый, темноволосый, с приятными чертами лица. Но теперь чаще всего вид его страшен. Это потому, что Тэрри служит... подопытным морской свинкой в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (США).

Из-за денег он предоставил себя для медицинских опытов.

Отдавая свое тело для экспериментов, Тэрри Холман был абсолютно здоров. Сейчас его здоровье подорвано, и все же он добровольно решил продать себя университету до конца жизни. Даже имея в кармане диплом экономиста с высшим образованием, он не желает отказать от работы в должности «морской свинки».

Вначале Тэрри использовали для безобидных медицинских опытов: пробы крови, разные дозы никотина,

кожные реакции. Получал он за это не густо: 45 долларов в неделю. И тогда речь пошла о сложном и рискованном вмешательстве в человеческий организм. Так 31-летний мужчина стал экспериментальным материалом для исследований. Ему вводят зонды в разные части тела, берут пробы костной и легочной ткани, делают инъекции опиума, исследуют очаги заражения в позвоночнике и проверяют эффективность новых лекарств против злокачественных опухолей. За это он стал получать 185 долларов в неделю...

В США тысячи людей продают себя подобным образом. Но это характерно не только для США. В других странах, например, в ФРГ, законы не запрещают делать людей подопытными свинками...

«БУНТЕ ИЛЛЮСТРИРТЕ», ФРГ

ВОСЬМИЛЕТНИЕ РАБЫ

В длинной, тщательно замаскированной от полицейских глаз «мастерской» за столами и прямо на земле сидели десятки мальчиков и девочек и работали — вырезали, складывали, клеили бумажные украшения, которые покупают в Бангкоке и во всем Таиланде на различных праздниках и торжествах. Одеты в лохмотья, дети были страшно худые, невыспавшиеся, и не удивительно: ведь они должны были работать по 16—18 часов в сутки! За работу хозяйка «мастерской» платила им в переводе на наши деньги около двадцати копеек. Но и эта «плата», по существу, была символической, поскольку хозяйка обычно вычитала из ежедневного заработка «за пищу и жилье». Дети находились на грани истощения, и некоторых, главным образом самых малых, понадобилось немедлен-

но отвезти в больницу. В необычном «предприятии» в предместье тайландской столицы Бангкока, как выяснило следствие, работали дети от восьми до четырнадцати лет. Они были рабами в буквальном смысле этого слова: хозяйка их «самым обычным образом купила» в бедных деревнях северо-востока страны. В этих районах царит беспредельная нищета, бедняки не могут прокормить своих детей и продают их в город. В Таиланде существуют целые агентства по торговле, загребующие огромные барыши: за восьми-десятилетнего ребенка, проданного в какую-нибудь из тайских «мастерских», они получают от 400 до 500 долларов. Дети постарше ценятся еще выше... Торговля детьми процветает.

«ТЮКЕР», ВЕНГРИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

КАРАШКА

КАМКА

КАРЕКТИВ

Петер АДАМС (ГДР).

— Если кто-либо хочет совершить такое, что привело бы к уничтожению его близких, причем так, чтобы, как говорится, не осталось ни малейшего запаха, он должен учитывать одно: цивилизация все усложняет,—продолжал Шеннон уверенно.—Цивилизованный человек слишком много думает, и это его самая большая ошибка, в том числе когда речь идет о борьбе за существование. Это кончается всегда тем, что с наступлением утра человек должен покинуть свою кровать, в которую он может больше никогда не лечь, потому что его повесят. Тем самым я хочу сказать, что человек должен вернуться к естеству. Вопрос, который тебя занимает, тоже должен быть решен естественным путем, примитивно, элементарно. Например, замок Карентин со всем его содержимым мог бы сгореть...

— Сжечь людей—это я никогда бы не смогла,—возразила Дороти и невольно бросила взгляд на Фишера, потягивавшего пиво из кружки.

— Отравить рыбу или мясо—тоже испытанный метод,—подсказал Шеннон.—Однако перед этим ты должна выпить пять-шесть стаканов соленой воды, чтобы тебя своевременно освободило от съеденного и ты сама не отравилась на тот свет.

— Неплохо придумано,—согласилась Дороти.—Но как мне удастся залить до этого шесть стаканов соленой воды в Патрицию, Фишера и Розу, чтобы они остались живы? Нет, это тоже не подходит.

— Пожалуй, ты права. Но у меня есть еще одна идея!—Шеннон постучал себя пальцем по лбу, показав, где у него рождаются мысли.—У доктора Эванса в подвале находится лаборатория. Там он постоянно производит взрывы. Что, если казнить вечером, когда состоится очередная партия в бридж, произойдет большой взрыв и находящиеся в зале над лабораторией взлетят на воздух?

— Ты забываешь, что, согласно завещанию, я тоже обязана играть в бридж! Жертвовать своей собственной жизнью, чтобы отделаться от этих трех, кажется мне... слишком нерентабельным.

— Тогда нам нужно просто придумать, по какой причине ты в тот вечер на несколько минут покинешь зал. Для этого можно найти десятки причин.

— Что ж, это подойдет,—согласилась Дороти. По ее лицу трудно было понять, говорила она серьезно или шутила.—Мы вместе воровали яблоки. Почему бы нам не продолжить карьеру преступников?—Она засмеялась, показав свои белоснежные зубы.

Былуу Шеннону, однако, было не до смеха. Он вдруг подумал, что своими советами он выпустил из бутылки духов, которые в один прекрасный день прикончат и его. Такая перспектива заставила его содрогнуться.

— Послушай, Дороти, мне кажется, что мы зашли слишком далеко. Давай прервем наш разговор,—сказал он.—Я честный человек, плачу свои налоги...

— Не прикидывайся агнем,—сказала Дороти с издевкой.—Как-то я подсчитала, сколько доходов

РОМАН —
ПАРОДИЯ

Перевод
Галины и Юрия
ЖАРОВЫХ.

ты утаил от властей за последние десять лет. Сумма получается весьма кругленькая, восемь тысяч фунтов.

— Ты с ума сошла.

— Ты мошенник, Билл,—парировала Дороти дружелюбно.—Кстати, что ты делаешь с дельфином после того, как его вскрыешь и разольешь французский коньяк по бутылкам? Ты посылаешь его почтовой посылкой обратно во Францию?

Шеннон сделал глупое лицо. Он не нашелся, что ответить. Сразу после войны он занялся контрабандой французского марочного коньяка. В этом деле ему помогали два рыбака, братья Вокслей, которые выходили на своем катере в Атлантический океан и охотились на дельфинов. Дельфина препарировали: в нутро вставляли сосуд из искусственного материала, в который входило до трехсот литров жидкости. Когда рыбаки возвращались с охоты в Уолс, дельфин, висевший на лебедке, был виден уже издалека, и никому из таможенников и в голову не приходило, что он наполнен коньяком.

— Я даже не знаю, как выглядит дельфин,—пытался отговориться Шеннон.

Дороти, усмехнувшись, покачала головой.

— Дельфин из породы китов. Кстати, кашалот, длина которого достигает почти двадцати метров, больше подошел бы для твоих проделок. Ты смог бы обеспечить коньяком всю Англию.

Шеннон ухмыльнулся.

— Для столь большой оптовой торговли у меня нет необходимого капитала. Не хочешь ли ты подключиться к этому делу?

— Я подумаю.—Дороти встала.—Итак, если ты услышишь, что все мои любимые гости подошли от отравленной рыбы или разлетелись в клочья во время взрыва, ты должен на суде заявить, что я абсолютно невиновна.

Когда Дороти подошла к автомашине, Фишер уже ждал ее. По дороге домой она спросила его как бы между прочим:

— Приятная таверна эта «Кровавая кузница», не так ли?

— Конечно, миледи,—ответил Фишер.—И все же я позволю себе заметить, что существует полиция, которая делает все, чтобы некоторые старые традиции ушли из нашей жизни.

— В этом вы правы,—ухмыльнулась Дороти.—Билл Шеннон—величайший престофила. Цивилизация сделала его дегенератом. Ему даже в голову не придет, что кто-то может посягнуть на жизнь своего ближнего.

— Меня это успокаивает,—уважительно сказал Фишер, не поворачивая головы.

Дороти не раз убеждалась в том, что Фишер отлично водит машину, но сегодня он был особенно великолепен за рулем.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой компания наследников оказы-
вается на волоске от гибели. Полковник
Декстер развивает философию пре-
ступления. Не кто иной, как именно
загадочный садовник, предлагает уведо-
мить полицию.

В пятницу Дороти спустилась в подвал, чтобы поболтать, как она это иногда делала, с доктором Эвансом. В этот день у нее было на редкость хорошее настроение. Она разговаривала со своим новым адвокатом, который посоветовал ей обжаловать завещание. Он не исключал успеха, если ей удастся доказать суду, что Роберт Торп, этот безнадельный пьяница, был невменяемым.

Маленький человек с рыжей гривой встретил Дороти, как всегда, восторженно. Когда она поинтересовалась, над каким изобретением Эванс работает в настоящее время, он рьяно начал рассказывать, что сейчас конструирует дисковую пилу, которая будет резать стекло при помощи ревущего звука на расстоянии десяти метров. Кроме того, он изобрел громоотвод, который не только притягивает разряд, но и преобразует его в полезную электрическую энергию.

Дороти проявила особый интерес к одному из его занятых изобретений, которое внешне напоминало швейную машину с двумя пропеллерами и парой полозьев. Когда она спросила о назначении этого чудовища, Эванс открыл рот, намереваясь начать длинное объяснение. Но прошло полминуты, минута, а он все молчал. Наконец он стукнул себя по лбу и признался, что забыл назначение этой машины, но она, конечно же, относится к числу самых замечательных его изобретений. Он начал уже переговоры с одной из итальянских автомобильных фирм, которая намерена купить у него патент.

Дороти одобительно кивнула. Про себя она подумала: «Таким парням, как он, не следовало бы вообще давать свободно разгуливать, если даже они и производят столь безобидное впечатление». Еще больше она была удивлена, когда доктор Эванс продемонстрировал ей свое следующее изобретение. Это был будильник, источавший тихую мелодию. Если его не выключить, то он давал о себе знать коротким звонком, а потом раздавались страшные, омерзительные звуки, от которых даже мертвые могли бы восстать из гробов.

— Этот будильник бесперывного действия,—сказал Эванс,—я продал американской часовой фирме. Сейчас он запущен в серийное производство и раскупается значительно лучше, чем ожидалось.

— И вам заплатили за это изобретение?—спросила Дороти недоверчиво.

— Да. Восемьдесят тысяч долларов.—Он пошарил в одной из папок и достал письмо, в котором действительно указывалось, что на его счет была переведена названная сумма.

— Как же вы распорядились такой большой суммой?—спросила Дороти.

Эванс пригладил свою рыжую шевелюру.

— Я вложил все деньги в эту вещь.—И он кивнул в сторону швейной машины с пропеллерами и полозьями, добавив, что уже долгое время старается вспомнить, для каких целей он ее сконструировал.

Дороти спросила о непрекращающихся взрывах, которые сотрясают замок.

— Я работаю над бомбой нового образца, которую можно было бы использовать для рытья могил. Работать она будет по принципу крота, выбрасывая землю с помощью серии небольших взрывов.

— А что, если вместо серии малых взрывов произойдет один большой? — спросила Дороти.

— О, это наверняка была бы катастрофа для нашего замка. — Доктор Эванс посмотрел на нее смущенно и в то же время сочувственно. Подумав немного, он утешительно сказал: — Для здешней округи и жителей деревни это был бы, конечно, большой плюс. На том месте, где, простите за мою откровенность, стоит такое действительно безобразное здание, они могли бы соорудить купальню.

— Купальню? — Ну, конечно, — пояснил Эванс. — Если замок взлетит на воздух, то на этом месте образуется большой кратер, и наша милая речушка не будет весной заливать всю местность, а заполнит этот котлован. Это была бы большая радость для детей, они могли бы здесь летом купаться.

— О такой перспективе я, признаться, не думаю, — сказала Дороти. Она остановилась перед изобретением, внимательно рассматривая его. С потолка свисал трос, на котором на расстоянии примерно десяти сантиметров друг от друга было расположено около дюжины железных шариков, наполненных взрывчаткой.

Доктор Эванс пояснил: — Стоит лишь включить эти два штепселя в электрическую сеть, как один за другим начнут взрываться отдельные заряды по принципу дистанционной трубки. И в одно мгновение могила готова.

— Для меня это была действительно приятная и очень поучительная беседа, — сказала Дороти. — Когда я вновь поеду в Уолс за покупками, то приобрету дюжину резиновых крокодилов, купальных шапочек, ласты и аппараты для подводного плавания.

— Понимаю, вы хотите вооружиться на случай, если мои бомбы взорвутся одновременно, — сказал доктор Эванс и погрузился в размышления. У Дороти же родилась идея.

Полковник Декстер видел привидения там, где по английским традициям они едва ли могли встречаться, в том числе и в зале замка, где все наследники, как обычно, собирались на чай.

— У меня такое чувство, как будто мы здесь не одни. — Он многозначительно посмотрел вокруг и понял, что, кроме них, там никого не было. Однако это не помешало ему настаивать на своем утверждении: — Есть явления трансцендентального мира, которые нельзя ощущать, но которые, однако, непостижимым для нас образом существуют. Когда я служил в Индии в форте Нагпур, у меня был слуга, здоровый парень из племени сикхов. У него на лбу были нарисованы три точки, он принадлежал к низшей касте кожевников. Это был превосходный слуга, который заботился обо мне, как о своем отце. А какой он был повар, скажу я вам! Даже когда я был так сыт, что уже при одном виде рисового зернышка меня тошнило, я мог съесть целую курицу, если ее готовил он.

— Это невероятно! — воскликнула Стелла Грэди.

— И что же выяснилось, — продолжал задумчиво полковник, — оказывается, мой сикх, который почти целый год ухаживал за мной, вовсе не существовал. Как мне объяснил один йог из горной деревни в Гималаях, это был дух раненого, которого я притащил на своих плечах в форт. В знак благодарности он принял решение служить мне после своей смерти как дух. Такие случаи встречаются в Индии часто. В те годы в стране насчитывалось около трехсот миллионов жителей, но духов было по меньшей мере в сто раз больше. Воздух, так сказать, кишел ими.

— То есть, глубоко вздохнув, можно было втянуть в легкие парочку-другую. Ужасно, — заметила Дороти.

У доктора Эванса был свой метод заткнуть рот чванливому солдафону и духовидцу. Достав блокнот и карандаш, он начал вслух высчитывать, сколько воздуха вытеснил бы такой дух, будь он слугой. Бывшая почтовая начальница восхитенно заметила:

— Вы высказали то, полковник, что я постоянно ощущаю. Кроме мира, в котором мы вынуждены жить, имеется другой, потусторонний мир. Наш английский климат весьма благоприятен для явления такого рода.

— Полковник одобрительно кивнул — он тоже считал, что английский климат весьма благоприятен, — и поднял свой костлявый палец вверх.

— Вы правы. Возьмем, например, «Кровавую кузницу». Не удивительно ли, что там всегда бродят призраки и звенят цепи на стенах? Они всегда напоминают о своем страшном прошлом, когда служили средствами для пыток.

Дороти одобрительно кивнула.

— И не забудьте упомянуть наш замок. Если подняться на второй этаж, то каждая ступенька скрипит по-своему. А если наступает непогода, то начинается сквозняк, который вызван отнюдь не только ветром.

— Да, да. Я чувствую себя все время в окружении зловещих сил тьмы. Меня не покидает чувство, что на наши головы обрушится несчастье.

Несчастье пришло в лице дворецкого Фишера. Он появился в дверях с двухметровым резиновым крокодилом и почтительно спросил, куда положить оснащение для бассейна.

— Зачем вы надули животное? — спросила Дороти. — Этой рептилий вы не на шутку напугали наших дорогих гостей.

— В инструкции написано, что, покупая крокодилов, надо проверить, не пропускают ли они воздух. — Он положил крокодила на пол. — Эти крокодилы в порядке. Лягушки тоже в порядке.

— Красивое животное, не так ли? — ехидно спросила Дороти.

Декстер и Грэди были озадачены: доктор Эванс реагировал иначе. Он положил крокодила на стол для игры в бридж, несколько раз обошел вокруг него, нажал на кнопку отверстия, через которое надувают воздух в животное, и сказал:

— В мире еще так много загадочного. Например, наш военно-морской флот оснащен надувными лодками, которые сами надуваются, когда их бросают в воду. И в то же время бедные малыши должны изо всех сил тужиться, чтобы надуть такое огромное животное. Я нахожу это бесчеловечным. — Доктор Эванс наморщил лоб и, осмотревшись вокруг, будто он что-то искал, спросил: — Животные действительно чудные, но почему их двадцать? Я не знал, что у нас так много детей.

— Детей? — Смертельные враги Дороти подались вперед. — Каких детей?

Миссис Торп, само воплощение доброй, любящей женщины, сказала неожиданно мягко:

— Они скоро будут здесь. Я уже связалась с ведомством детских домов в Уолсе, и мы договорились, что в замке Карентин можно будет разместить по меньшей мере тридцать — сорок детей. Кстати, эту великолепную идею подсказал мне доктор Эванс. Что вы на это скажете?

Она торжествующе смотрела на полковника и Грэди.

Первым пришел в себя полковник.

— Так ведь это... это настоящая коммуна! Однако вы не можете просто...

— Я могу, — еще торжественнее заявила Дороти и обратилась к Стелле Грэди: — Вы будете очень нужны на кухне. Тридцать — сорок детей, их надо всех накормить.

Старая почталыонша хотела съязвить в ответ, но не успела. В прихожей зазвонил телефон, и тут же появился добрый дух дома Патриция, которая сообщила Дороти, что господин Шеннон хотел бы с ней поговорить.

Дороти извинилась и вышла из зала. И тут несколько оглушительных взрывов сотрясли все помещение. Стены шатались и трескались, в полу образовалась большая черная дыра, из которой шипя поднялось зловонное облако и смешалось с известковой пылью.

Когда пыль немного осела, Дороти, прибежавшая из прихожей, увидела, что взрыв причинил лишь материальные разрушения. Ее заклятые враги не пострадали, если не считать нескольких синяков и ушибов. Правда, Грэди стонала:

— Помогите, помогите, я умираю! — Но, к сожалению, она ни на дюйм не была ближе к смерти, чем до взрыва.

Воздушная волна даже не вырвала сигару изо рта доктора Эванса. Он был весь покрыт известковой пылью и похож на снеговика, что, однако, не помешало ему констатировать:

— Это был научный несчастный случай, наверняка вызванный бомбой цепной реакции. — И не без разочарования добавил: — Ее сила оказалась значительно меньше, чем я рассчитывал, но я не понимаю, как могла бомба взорваться сама по себе. Собственно говоря, это совершенно исключено.

— С одной стороны, исключено, с другой стороны, несчастный случай, обычный в науке, — гаркнул полковник. — Это было покушение.

— Ну кто бы хотел убить вас? — пропыхтела презрительно Патриция.

— Я-то знаю человека, который хотел бы нас сжечь со света, чтобы потом вести распутную жизнь, — прошипела Грэди, бросив презрительный взгляд на Дороти.

— Глупости, — ответила Дороти презрительно, — если бы речь шла только о вас, я бы еще могла пойти на такой риск. Но неужели вы серьезно думаете, что я попыталась бы отправить на тот свет такого милого человека; как доктор Эванс? Уже сама эта мысль кажется мне преступлением.

— Ясно одно: нужно вызвать полицию, — решительно заявил полковник. — Во всяком случае, у меня нет никакого желания снова взлететь на следующий этаж через потолок.

— У меня тоже, — процедила Грэди. — Кроме того, чрезвычайно странно, что как раз за минуту до взрыва известное лицо было вызвано к телефону, в то время как мы... — Ее охватил ужас, словно она увидела себя в гробу.

Появление Фишера прервало спор. Он тяжело дышал, но, как всегда, был корректен, почтителен, как подобает учтивому дворецкому.

Осмотревшись, он обратился к Дороти:

— Я был в саду, когда услышал взрыв. Надеюсь, что никто из вас не пострадал серьезно. Если миледи разрешит заметить, то я всегда был против того, чтобы в подвале жилого дома проводились такие опасные эксперименты.

Доктор Эванс наморщил лоб.

— Что значит опасные? Если не принимать во внимание потусторонние силы, то этот аппарат мог взорваться только при включении его в электрическую сеть. А это мог сделать каждый из нас. Например, я сам.

— Если это так, сэр, — сказал решительно Фишер, — то я хотел бы сделать предложение, если мне позволит миледи. Было бы благоразумно оповестить полицию, чтобы разобраться в этом происшествии.

Дороти заколебалась. Такое предложение ей явно было не по душе.

— Ну что ж, не возражаю, — сказала она наконец. — Позвоните сержанту Вильямсу или лучше в Скотланд-ярд. Но запомните одно, мои дорогие, — она многозначительно посмотрела на присутствующих, — что полицейские как клопы. Если они хоть раз появятся в доме, то от них не так-то легко будет избавиться.

Дороти и сама не подозревала, насколько она была права.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой ситуация становится все более запутанной. В нее вмешивается инспектор Бейли, который в равной степени безжалостно УНИЧТОЖАЛ ПРЕСТУПНИКОВ и крепкий ПОРТЕР, но умел ловко скрывать свои способности за упрощенной манерой поведения.

Инспектор Бейли был уже многие годы предрасположен к аполексии. Он был низкого роста, но весил больше центнера, потому что имел обыкновенные ежедневно вливать в себя свыше четырех литров портера. Его лицо приобрело сизый цвет. Ровно дышать он мог лишь сидя. Ожидавшийся на протяжении десятилетия аполексический удар не наступал, и потому среди врачей он слыл медицинским феноменом. «Строго говоря, ваше место уже давно на том свете, а ваша плоть должна бы превратиться в другие формы жизни», — философствовал его домашний врач доктор медицины Гудор. Но инспектор мало заботился о состоянии своего здоровья, хотя ему угрожала аполексия. Он очень любил жизнь, обладал веселым характером, и все шипы, встречавшиеся на его жизненном пути, не очень мешали ему. В полицейпрезиденту Ливерпуля Бейли был известен как «улыбающаяся пивная бочка», и он больше других смеялся над своим прозвищем.

При всем этом он был умным, опытным криминалистом, которого нелегко было провести. Когда Бейли в сопровождении сержанта Вильямса прибыл в Карентин, то сразу же понял, что взрыв в подвале не был случайностью. И вся история, как он выразился, пахла преступлением. Однако это не нарушало его хорошего настроения, тем более что Дороти дала знак принести пива и Патриция извлекла из подвала корзину с бутылками.

В других случаях Патриция не столь щедро угощала. На это у нее были свои личные мотивы. Ее давно скончавшийся муж, почтовый работник в Ливерпуле, однажды упал в гавани в воду, но отделался лишь насморком. Однако, чтобы вылечиться, он опорожнил дома бутылку виски, принял горячую ванну, в которой и утонул, заснув в пьяном состоянии.

— Сегодня жарко, и вас, наверное, мучает жажда, сэр, — сказала Патриция лицемерно, бросив тайком взгляд на сизый нос инспектора.

Бейли действительно томился жаждой. Он благодарно улыбнулся Патриции и высоко оценил ее

Продолжение на 30-й стр.

Виктор СТАРИКОВ

Почти сто лет назад, точнее, в октябре 1881 года, на страницах газеты «Русские ведомости», популярной среди либеральной интеллигенции, появились большие путевые очерки «От Урала до Москвы», подписанные одной литерой «Ъ». Они принадлежали перу никому неведомого автора из далекого по тогдашним понятиям уральского уездного города Екатеринбург. Редакция газеты, довольно щепетильную в выборе сотрудников, привлекла несомненная литературная одаренность автора, его широкий демократизм, понимание народных нужд, остроотрицательное отношение ко всей хищнической практике ведения горнозаводского дела крупнейшими магнатами Урала.

В следующем году сразу три журнала демократического направления — «Дело», «Вестник Европы» и «Устои» — опубликовали рассказы того же автора: «В камнях», «На рубеже Азии», «В худых душах». Появилась и подпись автора — Д. Сибиряк. Рассказы были замечены и положительно оценены критикой.

В январе 1883 года в журнале «Дело» началось печатание романа «Приваловские миллионы». В том же году журнал «Отечественные записки», возглавляемый М. Е. Салтыковым-Щедриным, опубликовал большой рассказ «Золотуха», вслед за ним очерки о весеннем сплаве на реке Чусовой «Бойцы», а новый 1884 год открыл романом «Горное гнездо».

Так стремительно начал свой литературный путь один из крупнейших писателей второй половины XIX века Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. В ту пору ему только-только исполнилось тридцать лет. С того времени его произведения регулярно появлялись на страницах лучших прогрессивных изданий, имя его стало известным в России.

Почти тридцать лет продолжалась активная жизнь Мамина в литературе. Она была поразительна. В литературном наследии Мамина-Сибиряка пятнадцать романов, множество повестей, сотни рассказов, очерков, публицистических выступлений.

Однако этот каскад успехов был приобретен горькой ценой.

Начало писательской деятельности Мамина-Сибиряка совпало с годами самой мрачной реакции. Александр III, вступив на престол в 1881 году, вдохновляемый обер-прокурором синода Победоносцевым, начал свое царствование с казни народовольцев.

Столетие — срок достаточный для проверки истинной ценности литературного наследия, оставленного потомкам. Имя Мамин-Сибиряка не затерялось среди других, не кануло в забвение, оно заняло почетное место в одном ряду с выдающимися художниками слова XIX века. Более того: интерес к его творчеству все возрастает. Его романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», «Хлеб», «Охонины брови» и другие — произведения, написанные пером большого художника по горячим следам современности, проникнутые любовью к народу. Они позволяют нам глубже заглянуть в прошлое, понять, как складывалась жизнь народных

масс в далеком преддверии великой пролетарской революции. А заглянуть в прошлое — означает глубже и полнее понять современность.

...Висимо-Шайтанск, возникший еще в 1741 году, стоял в сорока верстах от Нижнего Тагила, на самом водоразделе Европы и Азии. Поселок мало чем отличался от других многочисленных демидовских владений. В центре — церковь, площадь, на которую выходило низкое, с греческим фронтоном, с колоннами арачьевского ренессанса, здание конторы, «провиантский» магазин, «питейный дом», сторожевая будка. Сюда сбегались четыре горные речки, образуя обширный пруд для заводских нужд. Ниже плотины заводских фабричных корпусов. А кругом по угорьям лепились рубленные дома рабочего люда. Население жило смешанное: местные, из раскольников-староверов, беглые и вывезенные демидовым крепостные крестьяне из Тульской и Черниговской губерний. К тому времени, когда Мамин поселился в Висиме, там насчитывалось двести тридцать шесть дворов с населением в две тысячи человек.

В этом поселке 25 октября 1852 года и родился Дмитрий Наркисович Мамин. Одиннадцать лет спустя родился брат Владимир, вскоре после него сестра Елизавета.

Прожили здесь Мамин двадцать пять лет. Семья находилась в тех же условиях, что и остальные жители. Священнику Наркису Матвеевичу полагалось от заводладельца жалованье — одиннадцать рублей девятию копейкам в месяц. Это равнялось среднему заработку висимского рабочего.

Дмитрий Наркисович отмечал, что его детство, прошедшее в самой глуши Уральских гор, захватило последние годы сурового крепостного режима, окрашенного особенной заводской жестокостью.

Отец писателя, окончивший Пермскую духовную семинарию, выделялся среди других священнослужителей широтой интересов, знал и любил русскую литературу. В книжном шкафу, «самой замечательной вещи» в доме, стояли книги русских писателей: Гоголя, Карамзина, Загоскина, Некрасова, Марлинского, Кольцова, Жуковского, Пушкина, Крылова, Гончарова... Среди них — переплетенный томик романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», значившийся в ту пору в числе запрещенной политической литературы. В этой глуши отец и мать, Анна Семеновна, читали журналы «Современник», «Дело». Любовь к литературе родители привили и детям.

Наркис Матвеевич, тяжело переживая рабское положение народа, с пониманием относился к его нуждам, думал о просвещении. Он организовал для мальчиков и девочек школу — в ней учились и его сыновья, — в которой был единственным преподавателем. Анна Семеновна проводила с девочками занятия по рукоделию.

В бумагах писателя сохранилось несколько проповедей отца. Одна из них касалась значения для народа отмены крепостного права. Строгое духовное начальство, наблюдавшее за висимским священником, вычеркнуло из нее следующее смело обобщенное место: «...теперь уже никто не будет

работать под палкой, теперь уже не будут отнимать для барщины дорогое для крестьян летнее время; не будут поневоле гонять народ на дальние работы, не будут отнимать детей от отца и матери в барскую дворню; не будут продавать людей, как скот; не будут обходиться с людьми, как со скотиной, а будут смотреть на всякого человека, как на человека, будь он хоть крестьянином».

«Как священник, отец, конечно, знал свой приход, как пять пальцев, — писал Мамин, — особенно горе и бедность своей паствы. И мне глубоко запали в душу слова, которыми отвечал обыкновенно отец, если я приставал к нему с требованием что-нибудь купить».

— Ты сыт, одет, сидишь в тепле, а остальное — прихоти.

Кажется, что проще этих слов и кто их не знает, но они навсегда остались в моей голове, как своего рода маленькая программа для личных потребностей... Ведь это громадное богатство — не завидовать и не желать того, что является излишеством и бессмысленной роскошью».

Отец и мать сознавали всю ограниченность деятельности священнослужителя, мечтали дать детям образование, вырастить из них полезных обществу людей.

Но обучение в гимназии двоих детей стоило сорок восемь рублей. Такого расхода родители позволить себе не могли. Зато дети священников имели право на бесплатное обучение в духовном училище. Так Николай (старший брат) и Дмитрий оказались учениками духовного училища в Екатеринбурге.

Начались долгие и трудные годы жизни будущего писателя.

Духлетнее пребывание в бурсе оставило в его душе самые мрачные воспоминания. С одной стороны, невежество преподавателей, причувших учеников к бессмысленной зубрежке, с другой — дикое нравы самих бурсаков, озлобленных постоянным голодом, преследованиями учителей, жестокостью товарищей. Сохранились ранние рукописи писателя о пребывании в бурсе, в которых слышен его негодующий голос: «И долго еще не поймут люди, что есть тяжелые преступления, хотя и не пролиты тут крови, что есть преступники, которым мало места на каторге, хотя они во всю свою жизнь не пролили, может быть, ни одной капли крови, не отрезали ни одной головы. И доживают эти люди тихо и спокойно свой век, доходят они до больших чинов и почестей, и отдадут и будут еще долго отдавать им отцы и матери своих детей, тех детей, для которых они не пожалеют своей жизни, которые для них все в здешней жизни».

Такие же тяжелые воспоминания оставили и годы, проведенные в Пермской духовной семинарии. И тут в преподавании царил схоластика и зубрежка. Но появились книги, которые познакомили будущего писателя с естественными науками. Доступными стали передовые журналы, на страницах которых печатались произведения Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского. Увлекали Мамина и произведения революционных демократов. Среди них на первом месте был Писарев, оказавший сильнейшее

влияние на мировоззрение юноши. Он и сам пробовал писать, побуждаемый желанием рассказать о тяжелой жизни рабочего люда Урала. А способности у него уже проявлялись. По классным сочинениям Мамин среди семинаристов занимал первое место.

Слушатели, окончившие четырехлетний курс духовной семинарии, имели право поступления в высшие учебные заведения. Им и воспользовался Мамин.

Двадцатилетний юноша, полный веры в свое будущее, мечтающий продолжать литературные опыты, еще вчера скованный душным регламентом духовной семинарии, где следили за каждым шагом воспитанников, оказался в наэлектризованной революционными идеями среде передового студенчества в Петербурге.

Еще со времени пребывания в бурсе Дмитрий Мамин привык еженедельно писать родителям о своей жизни, делаясь всем самым сокровенным. Эти письма находили отклик у родителей, поддерживали в нем веру в свои силы. В одном из первых писем Мамин, только начавший занятия в Медико-хирургической академии, писал родителям: «Из Петербурга можно далеко видеть вокруг, чего никак нельзя достичь в провинции. Мы не только имеем возможность получать из первых рук те идеи и мысли, которые пропущены нашим правительством, но и те, которые не пропущены (подчеркнуто Мамин-Сибиряком. — В. С.) им. А это много значит при нашем теперешнем положении. Нам необходимо знать, чем живет настоящая жизнь, современная нам».

В России росло освободительное движение, направленное на борьбу с самодержавием. Земля оставалась в помещичьем владении, крестьянство, получив «волю», опять оказалось в полной зависимости от вчерашних рабовладельцев. Именно в эти годы в среде молодежи созрели идеи «хождения в народ» для возращения ему «исторического долга», поднятия его на борьбу с царизмом. Студенты уезжали в деревню, поступали на фабрики врачами, учителями. Возникали тайные типографии, для народа печатались листовки, в которых прямо указывалось на необходимость свержения полицейско-самодержавного строя. Мамин стал свидетелем громких политических процессов, по которым участники подпольного движения приговаривались к многолетним каторжным работам.

Его товарищи-студенты принимали активное участие в этом движении. Мамин, сочувственно относясь к их деятельности, свой путь видел иным — в писательстве. Позже он сформулирует свой писательский долг перед народом так: «Моя цель — самая честная: бросить искру света в окружающую тьму».

К этому времени Мамин познакомился с только что вышедшим в России «Капиталом» К. Маркса.

Уже рождались наброски крупных произведений, в том числе и первые варианты будущего романа «Приваловские миллионы», в которых зазвучали волнующие Мамина идейные искания передовой молодежи тех лет.

Студенческая жизнь складывалась трудно. Родители не могли оказывать

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

существенной помощи сыну-студенту. Дмитрий Мамин, экономя каждую копейку, нередко голодал. Нужда вынудила его взяться за скудно оплачиваемую репортерскую работу. К этому же времени относятся и его первые литературные выступления. В расхожих еженедельниках начали появляться его рассказы, написанные так, чтобы угодить коммерсантам-редакторам. «Деньги, деньги и деньги... Вот единственный двигатель моей настоящей литературной пачкотни, — самоосуждающе писал отцу Мамин, — и она не имеет ничего общего с теми литературными занятиями, о которых я мечтаю и для которых необходимо много учиться, а для того чтобы учиться, нужны деньги. Вам не понравится, папа, это откровенное признание за деньгами такой важности, но если приходится вырывать у судьбы чуть ли не каждый грош почти зубами, то эта сила денег делается совершенно очевидной».

Прельщенный возможностью сразу поправить свои денежные дела, Мамин написал по заказу издателя большой роман «В водовороте страстей», рассчитывая получить за него обещанные 500 рублей. Однако издатель журнала, а затем и книгоиздатель, выпустивший самовольно роман отдельной книгой, обманули молодого автора, не заплатив ему ни копейки...

Все злоключения студенческих лет, все муки творчества молодого литератора Мамин ярко передал в интереснейшем романе «Черты из жизни Пепко», опубликованном спустя почти двадцать лет.

Систематические голодовки, вся неустроенная жизнь, мучительная и трудная борьба за существование губительно сказались на здоровье. Мамин заболел тяжелой формой плеврита и, по настоянию врачей взяв отпуск в университете, куда он к той поре перевелся, покинул Петербург, рассчитывая осенью вернуться в столицу и продолжить образование. Но житейские обстоятельства этому помешали.

В конце января 1878 года на пятидесят первом году жизни внезапно скончался отец писателя. Семья оказалась в самом бедственном положении. Заботы о ней легли теперь на плечи Дмитрия Наркисовича. О возвращении в Петербург нечего было и думать...

В Нижней Салде, где жили теперь Мамины, не нашлось даже места конторщика на заводе, не оказалось работы и в Нижнем Тагиле.

В поисках ее Мамин переехал в Екатеринбург. Не один. В Нижней Салде он познакомился с Марьей Якимовной — женой инженера Алексева. Мать троих детей, красивая, образованная, она была старше Мамина на шесть лет. Отец ее, Яким Семенович Колногоров, был личностью в своем роде примечательной в уральском крестном мире, известной на заводах по обе стороны Уральского хребта. Из крестных, начав с конторского рассыльного, Колногоров поднялся до помощника управляющего тагильскими заводами Демидова, оставшись на всю жизнь его верным слугою. Дочери он дал хорошее образование, она знала иностранные языки, любила и понимала музыку. Замуж вышла чуть ли не в шестнадцать лет, но брак оказался несчастливым.

Молодые люди, уверенные в своих чувствах, не побоялись гражданским браком бросить вызов общественному мнению. В Екатеринбурге, не скрываясь, они поселились вместе. Марья Якимовна, уверовав с первых дней знакомства в талант Мамина, поддерживала его во всех трудных обстоятельствах. Оба жили дешевыми частными уроками, отнимавшими до двенадцати часов в день. Однако Дмитрий Наркисович не опускал рук, продолжал работу над романом и рассказами.

Он упорно посылал рукописи в редакции петербургских и московских журналов, и они так же упорно возвращались автору с отрицательными отзывами...

Летом 1881 года Дмитрий Наркисович поехал в Москву, все-таки надеясь продолжить образование в Московском или Петербургском университете. Марья Якимовна хотела поступить на Высшие женские курсы Герье. Однако с подачей заявления в университет Мамин опоздал. Тогда он решил задержаться в Москве, с тем чтобы еще и еще раз попытаться счастья в журналах. На этот раз ему повезло.

Завязались личные отношения с редакторами в Москве и Петербурге, рассказы и очерки пошли во многих изданиях. Все это явилось результатом огромной, упорной, ни на минуту не прекращавшейся литературной работы.

Посланный из Екатеринбурга в «Отечественные записки» рассказ «Золотуха» привлек внимание М. Е. Салтыкова-Щедрина. Великий сатирик почувствовал в начинающем писателе сильный талант. Между Маминым и Салтыковым-Щедриным завязалась дружественная, открытая, на равных, переписка. В начале 1884 года, сообщая о печатании романа «Горное гнездо», Салтыков-Щедрин сетовал на правительственные притеснения. «Чувствуется какая-то усталость всюду, — с горечью отмечал сатирик, — книга не интересует, а всякий выписывает газету или иллюстрированный журнал».

На свое сотрудничество в «Отечественные записки» Мамин возлагал большие надежды. Этот журнал и своим демократическим направлением и умным руководством Салтыкова-Щедрина как нельзя более был близок Мамину. Писатель чувствовал, что здесь его талант обрел бы подлинную силу, здесь, поддержанный искренним сочувствием, он расцвел бы как нигде. Но надеждам не суждено было сбыться. На четвертой книжке, где появилось окончание его романа «Горное гнездо», журнал по решению правительства прекратил свое существование. Закрытие этого журнала было самым сильным ударом по демократическим силам страны.

И пошла полоса неудач. Журнал «Устой» только начал выходить, но из-за цензурных придирок скоро прекратил существование. Страшному разгрому подвергся старейший демократический журнал «Дело». Мамин утратил сразу три журнала демократического направления, с которыми он связывал свою литературную судьбу, свое будущее. Оставались лишь благонамеренные журналы либерального направления. В них-то и пришлось печататься Мамину, никогда не опускавшемуся до сотрудничества в подданнических изданиях.

Десять лет жизни в Екатеринбурге стали годами напряженной творческой работы. Поражительной была трудоспособность Дмитрия Мамина. В Екатеринбурге он создал романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», многочисленные повести, десятки рассказов. Все вместе представляло широкую картину жизни Урала, изображенную рукой большого художника, открывало читателям совершенно неизвестный до того обширный уральский рабочий край.

Критики того времени много и увлеченно писали о рассказах Мамина-Сибиряка. Но странное дело: отмечая яркое дарование автора, глубокое знание уральской жизни, не замечали социальной остроты писательского глаза. О романах же, широких полотнах уральской жизни вообще не появилось даже краткого отзыва, что задевало автора.

Долго не ладилось с изданием книг.

Лишь в 1888 году, спустя шесть лет после первых публикаций, не без труда появились два тома «Уральских рассказов», которые в цензурном комитете расценивались как «красные». Из полусотни опубликованных к тому времени рассказов Мамин, осуществляя сокровенный замысел, отобрал для этих книг лишь тринадцать произведений.

Еще два года спустя и спустя четыре года после публикации в «Отечественных записках» появилось отдельное издание «Горного гнезда». Жить, печатаясь только в журналах, не имея новых изданий, было трудно.

В Мамине-Сибиряке, изображавшем уральскую действительность, критики зачастую видели всего лишь этнографа или бытописателя и не замечали, что впервые в русской литературе им был отображен во всей неприглядности «его препохабие» капитал и слуги его — капиталисты-заводчики, да еще уральские капиталисты-заводчики, ощущавшие себя хозяевами жизни вообще и, само собой разумеется, хозяевами жизни трудового люда. Писатель твердой рукой, резкими красками рисовал «жизнь во мгле» заводского рабочего, его лютых эксплуататоров, не оставляющих надежды на помощь и спасение откуда бы то ни было. Он исподволь, но неуклонно подводил читателя к мысли, что дальше так продолжаться не может, что самое великое терпение — терпение русского рабочего — неизбежно должно истощиться. И что тогда?

Горнозаводские рабочие Урала и в те годы составляли почти шестьдесят процентов горнорабочих России. Их полная оторванность от перовых людей и центров — до бога высовок, до царя далеко — определяла полную безнаказанность хозяев. Жестокость не знала меры, забитость людей — тоже.

В романе «Приваловские миллионы» пером талантливого писателя-реалиста изображалась жестокая и беспощадная борьба вокруг захвата богатейшего наследства заводчика Привалова. В самом неприглядном свете предстал в романе «Горное гнездо» владелец многочисленных Кукарских заводов Лаптев, для которого прообразом послужил мультимиллионер П. П. Демидов, «один из анекдотических людей России», по определению Мамина, и вся многочисленная продажная челядь, окружавшая «владыку», жаждавшая урвать и свою кроху с его стола.

Вчерашние помещики-заводовладельцы, располагавшие даровой рабочей силой, дабы увеличить доходы, которые сами текли за счет каторжных условий труда, искали новые, наиболее эффективные формы эксплуатации вольнонаемных рабочих. В романе «Три конца» управляющий заводами Голицынский так определяет свою «программу»: «Я смотрю на рабочую силу, как на всякую машину, — и только. Ни больше, ни меньше. Каждая машина стоит столько-то и должна давать такой-то процент выгодной работы, а раз этого нет — я выкидываю ее за борт. Разве может быть самолюбие у паровой машины?.. Лучший пример для нас — Европа, в особенности Англия. У нас рабочие страшно распухли, и необходимо их subordinировать. Будем учиться у Европы».

Рабочие ответили на притеснения Голицынского решительной, правда, не организованной стихийной забастовкой, в результате которой омертвела вся заводская округа. Мамин-Сибиряк первым в русской литературе показал силу рабочего единения, направленную на защиту своих прав. Эти первые, самые первые проявления рабочего движения на Урале были провозвестниками будущих грозных битв рабочего класса с царизмом.

В рассказе «Золотуха» смотритель золотых приисков, пьяница и развратник, инородец Бучинский пренебрежительно отзываясь о русском народе: «Самый проклятый народ... Я говорю вам, в высшем градусе безразличный народ...»

Мамин-Сибиряк, до глубины души оскорбленный поношениями его соотечественников, в своих романах, повестях и рассказах выступал в защиту народа, подчеркивая как раз его высокие нравственные понятия, красоту и силу народных характеров. В «Уральских рассказах», освещенных светлым взглядом писателя на родной край, изображены люди самых разных профессий: мастеровые, крестьяне, лесники, бурлаки, охотники, старатели, священнослужители.

М. Горький в отзыве о рассказе «Вашка» писал, что он «производит сильное впечатление, еще раз доказывая, что иногда и грязь не мешает человеку блестеть алмазами духовной красоты». Эту «духовную красоту» несли многие герои писателя. Таков у него Савка в рассказе «На пихане», выходец из рабочих, попавший в свое время в острый по недоказанному преступлению, вступающий в отчаянную борьбу с жестоким, тупым и самонадеянным управителем-немцем Карлом Ивановичем. «Ох, везде неправда, везде темнота, везде это самое зверство!» — говорит Савка, развивая ту мысль, что в лесу зверь лютует только с голоду, а человек может лютовать даже сытый, как этот немец. Ярко и сильно выписан бурлак Савоська в очерках «Бойцы». На берегу, в массе, он выделяется лишь особенным пьяным ухарством. Но как преобразается этот человек в труде, становясь настоящим героем, когда уверенно и твердо ведет через пороги и шивера барку, груженную медью. «Савоська был именно такой творческой головой, какая создается полной опасностью жизнью. С широким воображением, с чутким отзывчивым умом, с поэтической складкой души, он неотступно владел симпатиями разношерстной толпы», — писал о нем Мамин.

В. Д. Бонч-Бруевич, старый большевик, управляющий делами Совета Народных Комиссаров, работавший с Лениным с первых дней Октября, прочитав эти рассказы в юности, писал, что они его «впервые натолкнули на мысль о необходимости борьбы за лучшую жизнь рабочих и крестьян».

Дух безвременья, апатия, о которых писал Мамину Салтыков-Щедрин, определяли общественную жизнь восьмидесятых годов. Некоторые либеральные органы все дальше уходили от идей революционных демократов и возлагали надежды на «конституционную монархию», а народники — на крестьянство, не желая замечать, что Россия вступила на путь капиталистического развития, что в стране бурно растет пролетариат. Мамин-Сибиряк, стоявший в своем понимании расстановки социальных сил на голову выше многих своих современников, беспокоил иных редакторов, его творчество сознательно оставлялось в тени, так как не укладывалось в рамки их «программ».

Журнал «Северный вестник» после выхода «Уральских рассказов» помещал оскорбительный отзыв: «Хорошо владеет техникой литературного дела, г. Мамин слишком полагается на свое умение и спешит занести на бумагу каждую мысль, хотя бы и недодуманную, и каждое впечатление, хотя бы и мимолетное и непроверенное. Оттого общая литературная физиономия г. Мамина, несмотря на его несомненный талант, отличается неопределенностью, почти бесцельностью». Отзывы реакционно-монархической печати были еще более резкими.

А между тем В. И. Ленин, читавший многие произведения Мамина-Си-

бирьяка, писал в книге «Развитие капитализма в России»: «В произведениях этого писателя выступает особый быт Урала, близкий к пореформенному, с бесправием, темнотой и принижением привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России».

Таким образом, официальную критику, признававшую талантливость книг Мамин-Сибиряка, но отказывавшую ему в глубине жизненной оценки, блестяще опровергал В. И. Ленин, подчеркивший то, что характерно для творчества Мамин-Сибиряка вообще: рельефное изображение особого быта Урала, характерного для капиталистического развития России.

Весной 1891 года Мамин-Сибиряк, не без внутренних колебаний, переехал на жительство в Петербург. Ему исполнилось сорок лет. Он давно создал, что, живя вне литературной среды, многое теряет. Отъезд из Екатеринбурга ускорил драматические обстоятельства в личной жизни. Разлаживались его отношения с Марьей Якимович. К Мамину пришло новое сильное чувство. Предметом его стала актриса Мария Морисовна Абрамова, хорошо известная на провинциальной сцене, приехавшая в Екатеринбург на зимний сезон. В ту пору ей было двадцать пять лет. В театре Абрамова занимала ведущее положение, играя в спектаклях главные драматические женские роли.

Начальные месяцы первого петербургского года у Мамин-Сибиряка складывались благоприятно. Дмитрий Наркисович быстро вошел в широкую литературную среду, завязал важные знакомства в журнальном и издательском мире. Атмосфера общественной жизни в столице резко отличалась от провинциальной. Абрамова начала играть в небольших петербургских театрах.

Работал Мамин по обыкновению много. Набрасывал главы исторической повести из времен Пугачева «Охонины брови», дописывал роман «Золото», обдумывал сюжеты многочисленных рассказов.

Большую роль в установлении близости с петербургскими литераторами сыграл только начавший издаваться журнал «Мир божий». Приемные вечера издательницы журнала А. А. Давыдовой посещали многие выдающиеся писатели, художники, музыканты, ученые. Здесь завязалось у Мамин-Сибиряка знакомство с Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским, И. Е. Репиным и многими другими. Яркая личность писателя, его огромные познания в области истории и экономики Урала заставили заговорить о нем.

Письма его к родным были полны бодрого настроения. «Живем в Лесном,— писал он сестре Елизавете,— тихо и мирно, за исключением, когда Морисовна играет где-нибудь. Она участвует в лучших загородных театрах, как в Озерках, Павловске, Ораниенбауме и пользуется возрастающим успехом—все газеты хвалят... Живем хорошо и счастливо, а Маруся хорошая женщина, хоть и страшная горячка, как и я».

Но ровно через год после приезда в Петербург Мамин-Сибиряк сообщил сестре о своей трагедии: «Лиза, плачь: Маруся умирает... Случилось это совершенно вдруг: болезнь почек, какое-то воспаление... О, плачьте мои родные, я все слезы выплакал за эти два роковых дня. Вы ее видели цветущую, милую, красивую, а теперь это почти труп. Спаси ее может только чудо... Девочка, конечно, останется жива. Назвали Еленой. Когда вы получите это письмо, Маруся не будет на свете».

Так завершилось это короткое счастье. Мучительно трудно переживал писатель смерть жены, оставившей ему болезненную дочь. Эта рана долго кровоточила...

Только в 1900 году Мамин-Сибиряк вступил в брак с Ольгой Францевной Гувале, воспитательницей Аленушки с первых месяцев ее жизни.

До конца жизни не утихла боль от утраты любимой женщины, но нужно было жить, чтобы жила Аленушка. Сохранились еще и могучие творческие силы, продолжалась напряженная творческая жизнь.

Работа, работа... Были закончены романы «Охонины брови», «Хлеб», написано множество рассказов. Твердо установился тот круг изданий, с которыми был связан писатель. В Петербурге журналы «Мир божий», «Русское богатство», «Вестник Европы», в Москве—«Русская мысль», «Детское чтение», газета «Русские ведомости». О степени интенсивности работы писателя можно судить по тому, что за эти два особенно трудных года им опубликованы романы «Охонины брови», «Весенние грозы», более сорока рассказов и повестей.

Расширялся круг литературных связей. В 1893 году на обеде в «Славянском базаре», организованном по инициативе А. П. Чехова, состоялось их знакомство, перешедшее в добрые отношения, продолжавшиеся вплоть до смерти А. П. Чехова.

Если до переезда в Петербург Мамин-Сибиряк сетовал, что у него, уже давно работающего в литературе, вышло всего три книги, то в Петербурге издания пошли одно за другим. Издательницы читательской популярности Мамин-Сибиряка до тридцати изданий отдельных произведений.

Большим событием в литературе стало печатание романа «Хлеб» в журнале «Русская мысль». Чехов из Мелихова писал Суворину о положительном отзыве на роман «Хлеб», об особенном восторге Лескова. «Мамин-Сибиряк очень симпатичный мальчик и прекрасный писатель,—отзывался Чехов.—У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается не хуже, чем в «Хозяине и работнике» (рассказ Л. Н. Толстого.—В. С.).

Романом «Хлеб» Мамин-Сибиряк прокладывал дальнейшие пути изображения в литературе новой действительности России, уходящей все дальше от старых патриархальных форм хозяйствования. В жизнь решительно вмешивались иные силы, действовали иные законы. Россия все энергичнее прибегала к капитализму.

В писательских кругах быстро оценили своеобразие таланта художника и цельность его уральской природы. С. Я. Елпатьевский, врач и писатель, один из руководителей журнала «Русское богатство», так писал о Мамине: «Он был породистый, сильный человек, цельный и целостный, неломкий, негибкий, негнувшийся. Он был, как обломок яшмы, красивой, узорчатой яшмы, занесенной далеко от родных гор... Он отразил в своих писаниях все, что внес в его душу Урал, его суровость и поэзию, буйную радость уральской весны и угрюмую печаль окутанных мглой узких долин и темных лесов, и душу уральских людей, хищных и кротких, отчаянных и молитвенных. Он все дал в своем художественном творчестве: и новую жизнь, которая развернулась на Урале за последние сорок—пятьдесят лет, всю ту капиталистическую, духовную и бытовую эволюцию, которую Урал пережил вместе со всей Россией, и новые типы, и новый уклад жизни, вызванный этой эволюцией».

...Шли годы мрачной реакции. Бывали такие темные периоды, когда каза-

лось, что в России задавлено и затоптано все самое лучшее. Но торжество душителей всегда оказывалось преждевременным. Поднималось молодое поколение революционных мыслителей, возглавляемое сначала Г. В. Плехановым, затем В. И. Лениным. Рождение самой революционной русской марксистской мысли вызвало и бурный рост новой литературы, во главе которой встал Максим Горький—буревестник революции.

На водоразделе старой и молодой литератур проходила деятельность Мамин-Сибиряка, оставшегося до конца верным в своем творчестве отображению народной жизни. Он как бы замыкал собой могучий ряд писателей-реалистов—Некрасова, Достоевского, Тургенева, Островского, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Григоровича, Успенского, Толстого. Во многих своих произведениях Мамин предвосхищал новую литературу последующих лет, приобретающую все более революционное звучание и влияние на читателей.

Грозными событиями начинался в России двадцатый век. Все чаще вспыхивали крупные забастовки в рабочих центрах, усиливались студенческие волнения, предвещающие перемены. Россия словно пробуждалась от многолетнего сна.

Мамин-Сибиряк находился в числе тех писателей, которые резко поднимали свой голос в защиту студенчества, протестовали против репрессий самодержавно-полицейских сил, выступали в защиту М. Горького, трамного царским правительством.

Приближалось шестидесятилетие Мамин-Сибиряка. Болезни все чаще приковывали писателя к постели. Сказывались лишения, испытанные в бурсе, семинарии, голодные студенческие годы, сказывалась неустойчивость почти всей жизни.

Литературная общественность готовилась достойно отметить юбилей писателя и сорокалетие его литературной деятельности. 25 октября 1912 года Мамину-Сибиряку исполнилось шестьдесят лет.

Максим Горький с Капри прислал Дмитрию Наркисовичу проникновенное письмо, в котором выражал всю глубину своего отношения к старейшему писателю. «В день сорокалетия великого труда Вашего,—говорилось в нем,—люди, которым Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык,—почтительно и благодарно кланяются вам, писателю воистину русскому. Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом—это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв нам целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш».

Спустя неделю, в ночь с 1 на 2 ноября, Дмитрий Наркисович скончался.

На следующий день неизвестный молодой человек принес на квартиру писателя номер газеты «Правда», в котором на первой и второй страницах было напечатано прощальное слово большевистской партии. «Умер яркий, талантливейший, сердечный писатель, под пером которого оживали страницы прошлого Урала,—целая эпоха шестидесятилетиями, хищного, алчного, не знавшего удержу ни в чем. Мир праху твоему, чистая душа! Нарождается новый читатель и новый критик, которые с уважением поставят твое имя на то место, которое ты заслужил в истории русской общественности!».

Поистине пророческие слова! Именно в советское время Мамин-Сибиряк занял достойное место среди выдающихся русских писателей, служивших своим пером народу.

Адам ШОГЕНЦУКОВ,
народный поэт
Кабардино-Балкарии.

Давно ли...

*Давно ли пенились потоки,
Трепал весною ледолом,
А ныне воды неглубоки,
И плеск волны, и тишь кругом.
Давно ли так легко и рьяно
Скакал я без седла на луг,
Давно ль под грохот барабана
Плясал и был мне тесен круг?
Я был сильнее, был моложе.
Но я свой век почти что прожил.
И пусть не сразу и не вдруг
Я стал совсем седым, но все же
Не опустил куда-то рук.
Пусть борозда моя на пашне
Чуть мельче борозды вчерашней,
Я жалобой не грешу,
Я жив еще, еще дышу,
А потому мой труд всегдашний
Вершу и свой надел пашу.
Пусть многое теперь иначе,
Пусть осень предо мной мячит,
А молодость давно во мгле,
Еще не дряхл скакун горячий,
Еще он ржет, еще он скачет,
И я пока еще в седле.*

*Часто я профессор не менял,
Но когда-то я работал в школе.
Двадцать лет, а может, даже боле,
Я детей учил тому, что знал.
Я, земным богатством не владея,
Золотом людей не одарял
И конями их не награждал,
Я делился только тем, что знал,
Оттого нисколько не бедня,
Золото или иная малость—
Все уходит, остается прах.
Я же в детских оставял сердцах
То, что там навеки оставалось.
Я неведомые до поры
Толковал ученикам события,
Открывал им новые миры,
Счастлив сам от этого открытья.
Хороша была моя работа
Тем, что и до нынешнего дня,
Ставши взрослым, добрым словом*

КТО-ТО

Поминает, может быть, меня.

Глаза утра

*Рассветы землю до сих пор
Одаривали разной мерой,
То озаряя выси гор,
То закрывая шерстью серой.
По прихоти своей рассвет
То сумрак выберет, то свет,
То пустит желтизны в ущелье,
То, предпочтя небесный цвет,
Даль разукрасит акварелью.
Пусть всякий раз рассвет над нами
Иными шелестит крылами,
Но мы с тобой должны уметь
Глядеть на мир его глазами,
Работать, жить и песни петь.*

Баксаненок

*Пусть ты маловодна и мелка,
Над волной не лопается пена,
Пусть ты и мальчишкам по колено,
Ты для нас—родимая река.
Баксаненок, ты высокороден.
Порожденный в высях, ты свободен.
Хоть тебе и недоставало сил,
Хоть колес тяжелых не крутил,
Всем живущим здесь ты был угоден.
Сколько ты селений напоил,
Сколько ты полей оплодородил!
Речка детства, ты всегда щедре,
И душа тебе бывает рада
В пору снегового серебра,
В пору золотого листопада,
В дни, когда цветения пора.
А зеленой летнею порой
Ты лопочешь, как дитя спросонок.
Дорогой нам, милый Баксаненок,
В мире нет такой реки второй.*

Перевел с кабардинского
Наум ГРЕБНЕВ.

Аттака на огонь

Юрий ВЕДЕРНИКОВ.
 Фото Альберта ЛЕХМУСА.
 Специальные корреспонденты «Смены».

Солнце ломается в тонкой нефтяной пленке, покрывшей спокойную воду небольшого болотца. Распоров нефтяной глянец, нескончаемой змеей тянется пожарный рукав, освобождает окошечко чистой воды, где вдруг вспыхивает край огненного диска.

В вечерней тишине слова команд кажутся излишне громкими. Хлюпает под сапогами превращенный в грязное месиво песок около оплывшей, перекорезанной арматуры нефтяных скважин. На сухом бугорке, прислонившись к остывающему металлу, отдыхают свободные расчеты.

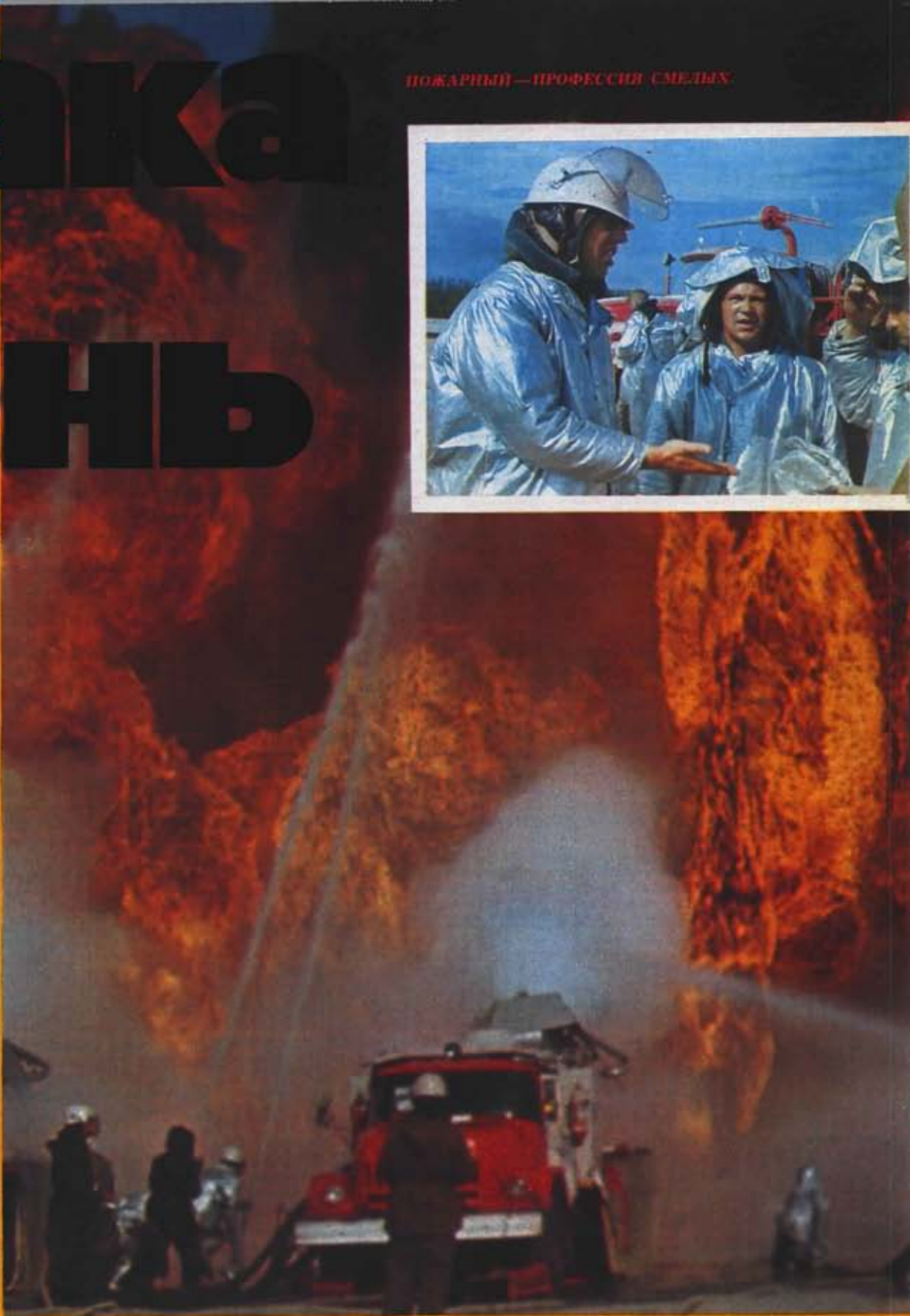
В небольшом вагончике собрались специалисты МВД СССР, Министерства нефтяной промышленности СССР, научно-исследовательских и проектных институтов. Под руководством начальника Главного управления пожарной охраны СССР генерал-майора Ф. В. Обухова штаб испытаний подводит первые итоги экспериментов. Суть их в решении очень важного вопроса: сколько скважин должно быть в кусте, и как их лучше с точки зрения пожарной безопасности разместить на небольшой болотистой площадке.

Здесь, в центре нефтяного Приобья, на специальном испытательном полигоне, пожарные Баку, Новосибирска, Перми, Свердловска, Тюмени, Грозного, Москвы учились умирять горящие нефтяные фонтаны. Несколько раз в день над полигоном плясал огненный смерч, свивался в плотные устрашающие жгуты, опадая на окружающие болота и кустарники бессильной чернотой копоти. Насосные станции, установленные на берегу небольшого озера, с жадностью пили воду, гнали ее по стальным трубам. Под напором воды пожарные рукава, кажется, тоже становились стальными. Из лафетных стволов вырывалась тугая струя и пропадала в огненном смерче горящего нефтяного фонтана. Но не только вода исчезала в огне. За девять дней в пасть огненному дракону, который взлетал над этим небольшим участком земли, отвоеванной у Саянских болот, были выброшены тысячи тонн нефти...

Впереди еще был последний, десятый день испытаний. Выдался он тихим, солнечным. Пожарные с утра бродили по болоту, собирали морошку. Но не успело еще эхо разнести сигнал начала очередного испытания, ствольщики уже стояли у своих лафетов. Одетые в серебристые теплоотражательные костюмы, они чем-то напоминали древних рыцарей или будущих космонавтов.

Десять скважин отражались в черном зеркале все еще спокойного нефтяного озера. Ровно в десять утра руководитель испытаний полковник Кимстач дал команду, и молодой пожарный с факелом в руке подбежал к первой скважине. Через мгновение ввысь взметнулся огненный фонтан, потом второй, третий... И вот пять громадных свечей слились в сплошную стену огня. Ствольщики уже держали наготове свое «оружие», но Игорь Фотиевич Кимстач все еще не давал команды «в атаку». Он стоял метрах в десяти от бушующего пламени и, прикрывая обожженное лицо брезентовой рукавицей, вглядывался в набирающий силу пожар. И ждал, ждал, когда он разгорится по-настоящему. А я смотрел на полковника и удивлялся его выдержке и терпению. До пылающих факелов от меня не меньше пятидесяти метров — и то я чувствую, как пропекает насквозь мою брезентовую куртку. Генерал Обухов тоже в защитном костюме, в пожарной каске. Он тоже поглядывает на Кимстача, но в решение своего заместителя не вмешивается, события не торопит.

ПОЖАРНЫЙ — ПРОФЕССИЯ СМЕЛЫХ

— Наши огневые опыты здесь, на пожарно-испытательном полигоне под Нижневартовском, — говорит Федор Васильевич Обухов, — имеют и научное и большое практическое значение. Пожарная опасность газовых и нефтяных фонтанов всегда велика, а особенно здесь, в условиях Тюменского Севера, где на счету буквально каждый отвоеванный у болот метр земли. С небольших площадок ведется бурение нескольких скважин — целого куста. Нефтяникам хотелось бы, чтобы на каждой площадке располагалось как можно больше нефтяных скважин. Но сколько скважин должно быть в кусте, чтобы была гарантирована пожарная безопасность? Здесь, на Саянских болотах, и смоделировали такой куст.

В течение последних десяти лет пожарной охраной сделано немало для обеспечения пожарной безопасности нефтяных и газовых месторождений. Пожары стали довольно редким явлением, но они случаются... На вооружение бойцов пожарной охраны поступает современная техника. На воде и на берегу огонь тушат пожарные катера. Пожарные поезда укрощают пламя там, где нет автомобильных дорог. Созданы автомо-

били газо-водяного тушения, которые нашли широкое применение при тушении пожаров на газовых и нефтяных скважинах. Появились новые машины — порошковые тушения.

Когда три года назад мы проводили здесь, на полигоне, огневые опыты по тушению скважин, кстати сказать, самые крупные по тому времени, нам удалось потушить куст из пяти скважин. Казалось, что большего трудно добиться. Появление новых модификаций автомобилей газо-водяного тушения — «АГВТ-150» и «АГВТ-200» — открывает перед нами новые возможности. Так что испытываем мы здесь и новые машины. И все-таки самой главной задачей этих испытаний на полигоне, в условиях хотя и запрограммированных, контролируемых, но настоящих пожаров, я считаю психологическую подготовку личного состава. Бойцы и командиры пожарной охраны должны приобретать огневой опыт...

Я с трудом слышу генерала. Пожар набрал силу, и шум на полигоне стоит такой, словно рядом работает реактивный двигатель. Кимстач наконец дал команду.

СТВОЛЬЩИКИ.

НОВАЯ ПОЖАРНАЯ ТЕХНИКА: «АГВТ-200».

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН.

облака. Руководитель тушения пожара полковник Кимстач стоит, опаленный боем, в кругу своих бойцов. Торчит почерневшая, изъеденная пламенем арматура скважин. Небольшие очаги огня чадят на болоте и умирают, опрокидываемые ударами водяных струй. Замирает глухое урчание турбореактивных установок. Ствольщики молча пьют из термоса холодную воду. Лицо у Игоря Фотиевича суровое, волевое, с красной от недавнего нестерпимого жара кожей. Он чертит на влажном песке древком сигнального флажка какие-то квадратики и стрелочки, разравнивает песок салогом, стирая рисунки, снова чертит квадратики со стрелочками и что-то говорит неслышным для меня голосом. Я смотрю на офицеров, которые окружают Игоря Фотиевича Кимстача, и только тут до меня доходит, что я оглох от воя торящих фонтанов и гула турбореактивных установок. Но ведь я находился сравнительно далеко от источников шума! А руководители тушения, ствольщики, механики «АГВТ» были в пяти—десяти, в лучшем случае в двадцати метрах от турбореактивных установок и фонтанов...

Очередная смена ствольщиков уже надевает теплоотражательные костюмы. Механики готовят турбореактивные установки к новому бою—три «АГВТ-100» рядом стоят около скважин...

Уже привычная картина: сейчас дадут нефть, пожарный побежит с факелом в руках и подожжет ее; когда фонтанирующая нефть как следует разгорится, приступят к тушению. Так было при тушении трех и четырех пылающих скважин, так было при тушении пяти и шести...

Началось действительно привычно. Но потом все пошло по-другому. Нефть рвалась из восьми скважин. Стена огня не поддавалась...

И как ни выли «АГВТ», как ни стремились помочь им ствольщики, огонь не отступил...

Эта неудача, можно сказать, была запланированной. И отрицательный опыт ценен. Теперь известно, что тремя турбореактивными установками с семью фонтанирующими скважинами не справиться...

— Направить на огневую позицию «АГВТ-200»! — командует Кимстач.

«АГВТ-200» — это установка с двумя турбореактивными двигателями. Выглядит она внушительно. Натужно воя мотором, «ЗИЛ-131» пробирается по полигону. Жерла реактивных установок почти уткнулись в арматуру скважин.

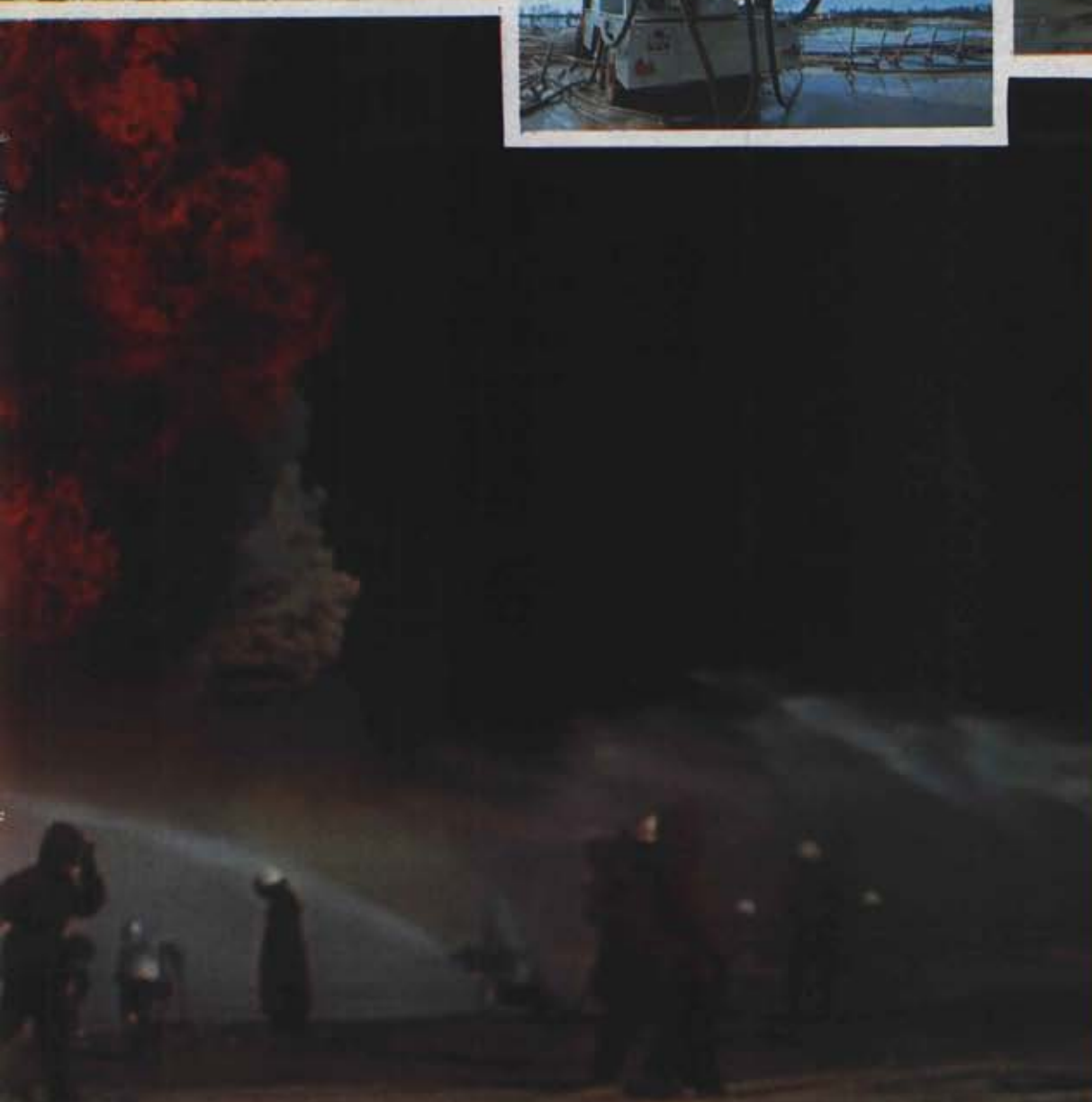
И снова стена огня перегородила полигон. Снова устремились ствольщики к лафетам стволов. Снова нестерпимый жар отогнал зрителей в самое болото...

— Приступить к газо-водяному тушению!

Углекислый газ и вода, вырываясь из жерл реактивных пушек, жадно пожирают пламя. Невиданный по силе пожар постепенно отступает. «АГВТ-200» оказалась эффективным оружием. Последние огненные клубки отрываются от арматуры скважин, уносятся в небо и умирают на огромной высоте...

В работе пожарных есть своя особая точность, свой ритм, своя красота. Есть быстрота, но нет торопливости. Есть дающая годами тренировок напористость и неутомимость. Не просто бесстрашие перед лицом огня, а знание его, учет всех его прихотей и повадок. Пожарный — это сливающиеся воедино ловкость, сила, спокойствие, суровая дисциплина, продиктованная жесточайшей необходимостью, четкое исполнение приказа.

— Основа нашей работы, — говорит Федор Васильевич Обухов, — тонкий расчет. Самое главное при тушении любого пожара — не допустить ошибки, все рассчитать, предусмотреть. Очень уж велика цена возможных ошибок. Наша профессия требует талантливых, смелых и верных людей.

Первыми в схватку с огнем вступают ствольщики. Они идут к пылающим факелам. Их фигуры, закованные в «серебряные» доспехи теплоотражательных костюмов, кажутся окруженными горячим солнечным светом. Они как будто растворяются, пропадают в плотной пелене жара и пламени. Видно лишь бушующее море огня, слышен лишь рев пылающей нефти. Но вдруг плотные, упругие струи будто прочерчивают белой краской темно-багровый фон.

Они бьют точно в цель. Их задача — охладить арматуру скважин, защитить людей и технику от испепеляющего дыхания факелов. Я знаю, там, около одного из восемнадцати лафетных стволов, которые бьют сейчас в пылающий нефтяной фонтан, ствольщик из пожарной охраны поселка Стрежевой Анатолий Сивак. Недавно ему исполнилось девятнадцать. В пожарной охране всего второй год. В тушении горящих фонтанов участия еще не принимал. Но опыт, который он приобретает здесь, на полигоне, ему может пригодиться.

— Нас из Стрежевого восемь человек, — рассказывает Анатолий, — и все мы стоим у лафетных стволов.

Вода бьет из них с такой силой, что управлять совсем не просто. И хоть одет в теплоотражательный костюм, но припекает довольно сильно — горящий факел буквально в нескольких метрах. Когда я впервые встал к стволу, то, честно сказать, страшновато было. Но поддаваться страху нельзя. Да и ребята рядом. Гудят турбореактивные установки. Из ствола рвется вода. И я бы, бы, в разрывающиеся, огненные клубки нефти. И только когда вместо дыма и пламени над арматурой поднялись облака пара да распадающаяся на тысячи капелек струя нефти, понял: все, потушили...

Схватка продолжалась четыре с половиной минуты. Это я потом узнал. А мне-то казалось, что сражение было долгим. Непросто это — сбить огромнейший столб огня высотой в полсотни метров, отрезать его от скважин и положить на землю. Но управились, быстро управились. Генерал Обухов довольно поглядывает на свой секундомер.

Небо над полигоном синее, глубокое и удивительно спокойное. Только далеко, там, где несет свои величавые воды красавица Обь, плывут белые, светлые

ОЛЬХОВАЯ СЕРЕЖКА

Стихи Евгения ЕВТУШЕНКО.
Музыка Евгения КРЫЛАНОВА.

Уронит ли ветер в ладони сережку ольховую,
Начнет ли кукушка сквозь крик поездов куковать,
Задумаюсь вновь и, как нанятый, жизнь истолковываю
И вновь прихожу к невозможности истолковать.

Припев:
Сережка ольховая легкая, будто пуховая,
Но сдунешь ее, все окажется в мире не так,
И, видимо, жизнь не такая уж вещь пустяковая,
Когда в ней ничто не похоже на просто пустяк.

Сережка ольховая выше любого пророчества.
Отстань от других, потихоньку ее разлومي.
Пусть нам не дано изменить все немедленно, как хочется,
Когда изменяемся мы, изменяется мир.

Припев.

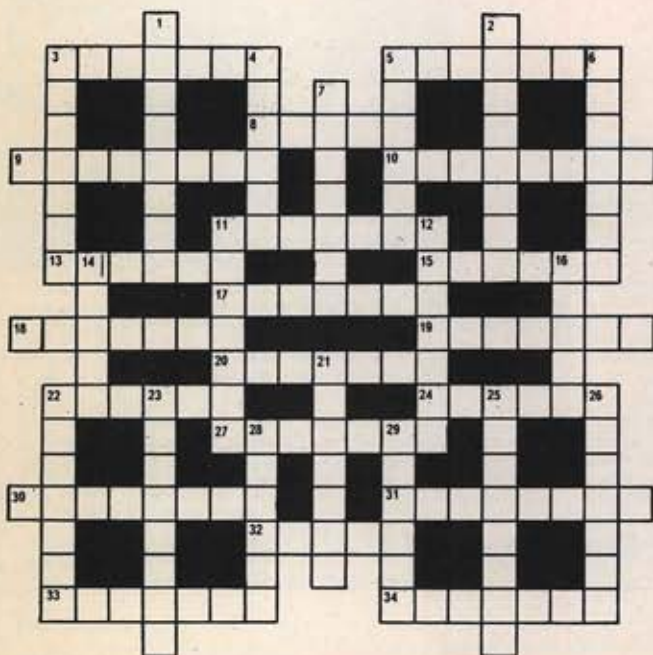
Яснеет душа, переменами незлобимая,
Друзей, не понявших и даже предавших, прости,
Прости и пойми, если даже разлюбит любимая,
Сережкой ольховой с ладони ее отпусти.

Припев.

ВОСПРЕДЕЛЕННО.

КРОССВОРД

Составил А. ТОРОПКОВ,
Буйнакск

По горизонтали:

3. Роман О. Гончара. 5. Сигнальное устройство. 8. Действующее лицо оперы Ю. Шапорина «Декабристы». 9. Один из Малых Антильских островов. 10. Судно с двигателем внутреннего сгорания. 11. Артиллерийское орудие. 13. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 15. Пролетарский писатель, основоположник революционной литературы США. 17. Вид графики. 18. Металл. 19. Итальянский композитор XIX века. 20. Город в Волгоградской области. 22. Абсолютная чемпионка мира по спортивной гимнастике. 24. Индийский порт на берегу Бенгальского залива. 27. Спутник планеты Нептун. 30. Украинский поэт, художник, революционный демократ. 31. Государство на Скандинавском полуострове. 32. Водное растение. 33. Ботаник, академик, Герой Социалистического Труда. 34. Сторожевая собака.

По вертикали:

1. Персонаж «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. 2. Португальский мореплаватель XV—XVI веков. 3. Перила вдоль края моста. 4. Быстрый темп в музыке. 5. Неподвижная часть турбины. 6. Один из героев трилогии К. Федины. 7. Русский физико-химик, академик. 11. Порт в бухте Охотского моря. 12. Река на юго-востоке США. 14. Бразильский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 16. Лиственное дерево семейства ивовых. 21. Граненый каменный столб, памятник. 22. Обширное пространство суши, континент. 23. Промежуток, перерыв. 25. Земноводное, обитающее в лесах Центральной Америки. 26. Минеральное удобрение. 28. Советский космонавт. 29. Советское спортивное общество.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1

По горизонтали:

4. Гейбель. 7. Лесоводство. 10. «Рогнеда». 12. «Западня». 13. «Зенит». 17. Свифт. 19. Давыдов. 20. «Крушение». 21. Разведка. 22. Овсянка. 25. Анива. 26. Носка. 29. «Октябрь». 31. Ассорти. 34. Университет. 35. Антонов.

По вертикали:

1. Рекорд. 2. Обзор. 3. Плиска. 5. Песня. 6. Овчар. 8. Прянишников. 9. Ляпидевский. 11. Азов. 12. «Зонд». 13. Журна. 14. Тонна. 15. Одеон. 16. Увразж. 17. Сазан. 18. Такса. 23. Соль. 24. Нара. 27. Пяру. 28. Торец. 30. Ревень. 32. Свиток. 33. «Арион».

КОСОВСКИЕ РЕМЕСЛА

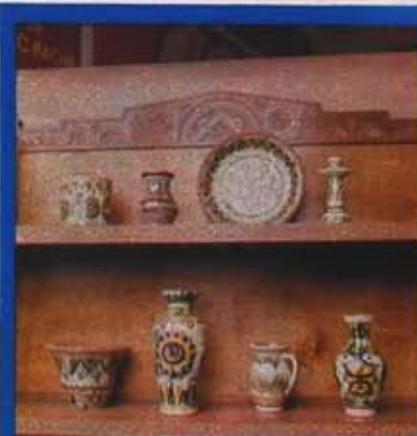
Давно и заслуженно известны изделия народных умельцев Прикарпатья. В гуцульском крае одинаково успешно развиваются и резьба по дереву, и керамика, и ковроткачество. Сейчас эти промыслы разбросаны по всей Гуцульщине, но центром, безусловно, является город Косов. Здесь находятся два предприятия: производственно-художественное объединение «Гуцульщина» и Косовские художественно-производственные мастерские.

ИЗДЕЛИЯ КОСОВСКИХ МАСТЕРОВ.

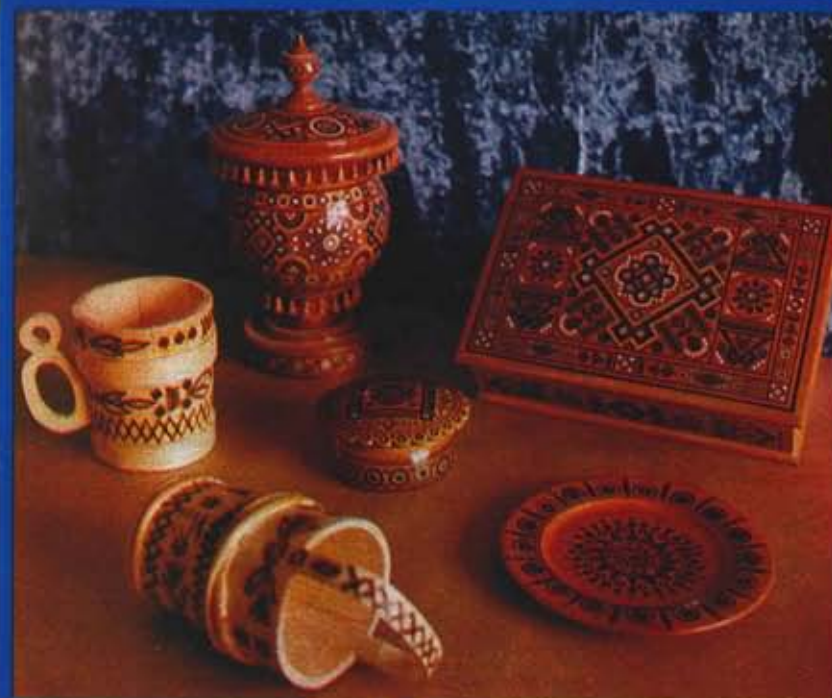
Изделия гуцульских мастеров хороши и бесконечно разнообразны. Тут и деревянные сувениры: тарелки, рюмки, характерные национальные топирики, шкатулки; красочная, радостная гуцульская керамика, которую мало-мальски знающий человек сразу отличит от любой другой по традиционному сочетанию трех цветов — светло-желтого, зеленого и коричневого. Чего только не делают гончары: кувшины и кувшинчики, вазы, горшки, блюда, подсвечники, печные изразцы — всего не перечислишь.

Во всех изделиях как-то исподволь, незаметно присутствует, передается красота Карпатских гор. Это ведь даже не горы в обычном нашем понимании, а скорее пологие холмы, на которых разбросаны одинокие домики, тянутся сетки тропинок. Такие же скромные, цветные, но не кричащие вещи выходят из рук мастеров.

Особенно это видно в ковроткачестве, и лучше всего, пожалуй, в знаменитых гуцульских лижниках. Лижник — ковер с большим ворсом. Когда-то он украшал стену, но постепенно стал служить покрывалом на кро-

РЕЗЧИК ПО ДЕРЕВУ Н. КИЩУК.

ватях, а теперь даже «сполз на пол», как говорят мастерицы-лижникарки. Долго и трудно рождается такой лижник, но и долго радует потом глаз. Делают его на специальных станках, но вот одна стадия изготовления особенно поразительна. Готовый ковер много часов моется, чтобы шерсть на нем уплотнилась, приобрела характерный пушистый вид (волокно к волоску) и чтобы как можно дольше потом не сваливалась. Очень любопытен этот процесс. На горной речушке устроено сооружение, отдаленно напоминающее водяную мельницу. Вода падает в специальную камеру, бурлит и клокочет там. И в этом «корыте» мечутся и сверкают всеми красками три-четыре лижника. Потом они сохнут на заборах вокруг мельницы. Красочные, радужные стоят заборы...

РИСОВАЛЬЩИЦА ПО КЕРАМИКЕ Н. БАРАНЮК.

ТАК РОЖДАЕТСЯ КОВЕР.

НА ЗАНЯТИЯХ ЖИВОПИСИ В ТЕХНИКУМЕ.

Что греха таить, некоторые ремесла в стране отмирают, ибо заняты ими только старики, а значит, у такого ремесла нет будущего. Совсем не то в Косове. И сыновья и внуки охотно перенимают дело старшего поколения. Есть даже специальный Косовский техникум народно-художественных промыслов имени В. Касияна, выпускающий ежегодно десятки будущих мастеров.

Значит, косовским ремеслам суждена долгая творческая жизнь.

Вадим ОПАЛИН